В сборник включены работы, посвященные выявлению и исследованию тайнописи в «Слове о полку Игореве». Известный исследователь Г.В. Сумаруков обнаружил в тексте «Слова» ряд записей «затаенного имени» автора этого произведения. Ученый выявляет следы «женского почерка» в произведении, показывает, что именно урожденная княжна полоцкая Мария Васильковна, супруга Великого князя Киевского, обладала необходимыми качествами, чтобы создать «Слово».

В статье «Мария Васильковна, сестра Изяслава, и "Слово о полку Игореве"» доктор искусствоведения Н.С. Серегина приводит ряд новых аргументов, подтверждающих авторство Марии Васильковны, и предлагает новое прочтение «темного места» в «Слове», где описана гибель удельного полоцкого князя Изяслава.

В тексте песнопений о Евфросинии Полоцкой (конец XII в.) Н.С. Серегина отмечает несколько моментов, которые, указывают на личность автора этих произведений.

Для всех, кто интересуется отечественной историей.

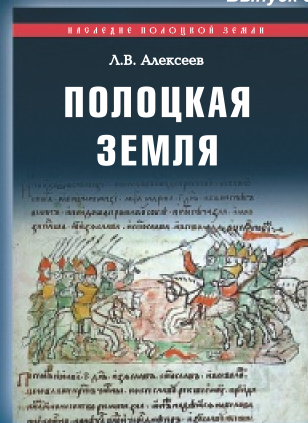
В серии «Наследие Полоцкой земли» изданы:

Выпуск 1

Выпуск 2

Выпуск 3

Выпуск 4



Выпуск 5

Выпуск 6

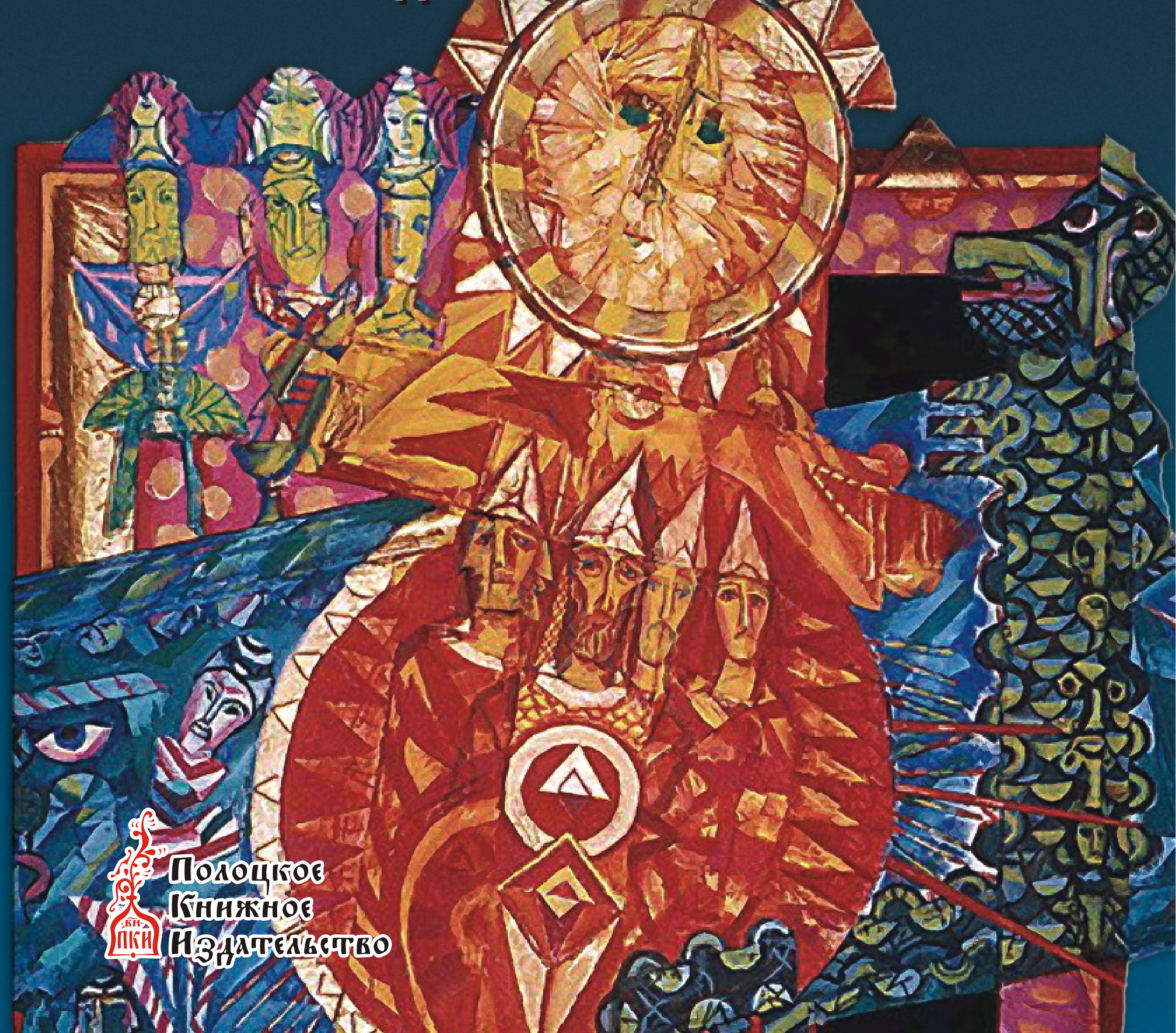
Полоцкое Книжное Издательство
+375-214-42-52-23

ISBN 985-6650-53-9
9 789856 650539

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

ПОЛОЦКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ВАСИЛЬКОВНА – автор «Слова о полку Игореве»

Исследования тайнописи



Полоцкое Книжное Издательство

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ
Выпуск 6

Серия издается с октября 2004 года

**Идея серии и финансирование
А.М. Супруновича, А.И. Судника**

НАШИ ПАРТНЕРЫ

Шостак Олег Геннадьевич

ЧУП «Сысоева и К»

Хвеженко Олег Федорович

НАСЛЕДИЕ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ
Выпуск 6

ПОЛОЦКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ВАСИЛЬКОВНА – автор «Слова о полку Игореве»

Исследования тайнописи

Полоцк
Издатель А.И. Судник
2008

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рос)1
П 52

Серия основана в 2004 году

Вступительная статья Л.Ф. Данько, А.И. Судника

На первой странице обложки фрагмент полихромного рельефа «Слово» работы члена Союза художников России, доцента кафедры ИЗО Государственной Академии Архитектуры и Искусства (Москва) Леонида Феодора; на фронтисписе черно-белая репродукция полихромного рельефа «Русь перед нашествием» Л. Феодора

На титульном листе фрагмент гравюры с рисунка венгерского художника Михая Зичи (1827—1906) из книги: *Гербель Н.* Игорь князь Северский. Поэма Николая Гербеля.— С-Петербург, 1854

П 52 **Полоцкая** княжна Мария Васильковна — автор «Слова о полку Игореве» : исследования тайнописи / вст. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судника.— Полоцк : А.И. Судник, 2008. — 53 с. : ил. — (Наследие Полоцкой земли ; вып. 6).

ISBN 978-985-6650-53-9

В сборник включены работы, посвященные выявлению и исследованию тайнописи в «Слове о полку Игореве». Известный исследователь Г.В. Сумаруков обнаружил в тексте «Слова» ряд записей «затаенного имени» автора этого произведения. Ученый выявляет следы «женского почерка» в произведении, показывает, что именно урожденная княжна полоцкая Мария Васильковна, супруга Великого князя Киевского, обладала необходимыми качествами, чтобы создать «Слово». В статье «Мария Васильковна, сестра Изяслава, и "Слово о полку Игореве"» доктор искусствоведения Н.С. Серегина приводит ряд новых аргументов, подтверждающих авторство Марии Васильковны, и предлагает новое прочтение «темного места» в «Слове», где описана гибель удельного полоцкого князя Изяслава. В тексте песнопений о Евфросинии Полоцкой (кон. XII в.) Н.С. Серегина отмечает несколько моментов, которые, указывают на личность автора этих произведений.

Для всех, кто увлекается отечественной историей.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рос)1

ISBN 978-985-6650-53-9

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

> ...Типично древнерусское явление – тайнописные записи о своем авторстве русских писателей.
>
> ...Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору извлекается из тайнописных записей. Мне не известно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными.
>
> *Д.С. Лихачев*

Установление авторства – одна из самых сложных задач в литературоведении. Ее не просто решать даже применительно к современным произведениям, а уж в отношении такого древнего памятника как «Слово о полку Игореве» – и говорить не приходится.

Имя автора – есть ключ к правильному пониманию «Слова о полку Игореве». К сожалению, попытки «вычислить» автора основываясь на той или иной интерпретации произведения не дают однозначного результата. Таким способом можно только очертить круг вероятных претендентов на авторство. Куда более перспективным представляется подход, исходящий из неких объективных предпосылок: достоверных фактов и свидетельств. Одним из таких фактов может быть тайнопись, позволяющая, в ряде случаев, однозначно установить личность автора.

Сумаруков Георгий Владимирович родился 10 марта 1929 года в Москве. Окончил биологический факультет Московского государственного университета, где и работал в должности старшего преподавателя на кафедре биофизики вплоть до самой своей кончины (18 сентября 1997 г.). Кандидат биологических наук (1965). Автор ряда работ в области экологической биофизики. «Слову о полку Игореве» он посвятил более 20 лет своей жизни.

К изучению «Слова» Г.В. Сумаруков приступил как профессиональный биолог: проанализировав особенности поведения различных животных и птиц, так как они описаны в «Слове», с точки зрения их природных повадок. Логику своего исследования и его результаты Г.В. Сумаруков изложил в книге «Кто есть кто в "Слове о полку Игореве"» (М.: Изд-во МГУ, 1983.). Тираж книги разошелся очень быстро – Сумаруков стал одним из самых упоминаемых исследователей «Слова» по естественно-научной тематике, его имя вошло в словари и энциклопедические справочники, посвященные «Слову о полку Игореве».

В 1988 г. в сборнике тезисов докладов и сообщений конференции «"Слово о полку Игореве" на Урале» им была опубликована небольшая статья «Мария Васильковна, жена Святослава Киевского,– возможный автор "Слова о полку Игореве"». Именно там впервые высказываются мысли, которое позже будут положены в основу книги «Затаенное имя. Тайнопись в "Слове о полку Игореве"» (М.: Изд-во МГУ, 1997.). Эту работу мы и представляем в нашей серии.

Заметим, что в обеих книгах, посвященных «Слову», автор смело рушит сложившиеся стереотипы, его работы открывают совершенно иной мир «Слова», отличный от устоявшихся толкований. Например, вороны, волки, лисицы и лебеди – это не просто образные средства в арсенале Автора «Слова», а суть тотемные животные кочевых половецких племен. Или, как в «Затаенном имени», Сумаруков выдвигает

и обосновывает свое предположение, что автор «Слова о полку Игореве» – женщина, урожденная полоцкая княжна, а во время написания «Слова» – Великая княгиня Киевская Мария Васильковна.

Насколько близка к истине выдвинутая в «Затаенном имени» гипотеза – судить читателю. Но хотелось бы отметить ряд важных моментов. После первого прочтения может показаться, что реконструкция первоначальной структуры текста «Слова», произведенная Сумаруковым, несколько произвольна или, что найденная тайнопись в виде акростихов «Мария» выпадает случайно. С этими доводами можно было бы согласиться, если бы обнаруженный Сумаруковым акростих «Мария» не повторялся в поэме 4 (!) раза, и это не считая двух других тайнописных фраз: «Сие писа Мария» и «Сие писа сестра Брячислава ни другаго Всеволода», причем все акростихи привязаны к ключевому слову *Мысль* (*Мыслете* – буква древнерусского алфавита, первая в имени Мария). Помимо акростихов Сумаруков выстроил систему доказательств, обосновывающих возможность авторства Марии. Он доказывает, что Мария располагала необходимыми знаниями, умениями, воспитанием, имела личную заинтересованность в создании «Слова» и следы этой заинтересованности прослеживаются в поэме. В произведении отчетливо видны следы «женского почерка» и, наконец, Мария Васильковна принадлежала к высокообразованным кругам общества и жила в то время, когда поэма была создана.

Исследователь из Санкт-Петербурга, доктор искусствоведения Н.С. Серегина, основываясь на текстологии древнерусской гимнографии XII века, реконструировала первоначальный текст «Слова о Полку Игореве», чтобы проверить предположения Г.В. Сумарукова на материале, максимально приближенном к утраченному оригиналу. Ею выявлен также акростих «Мария», который читается по заглавным буквам предложений. Взяв в качестве отправной точки выдвинутую Г.В. Сумаруковым гипотезу, Н.С. Серегина предполагает, что авторство песнопений, посвященных Евфросинии Полоцкой, может также принадлежать Марии. Исследователь считает, что автор зашифровал свое имя не по начальным буквам тропарей, как это было принято на Руси, а другим способом, через указание на родственные связи.

Н.С. Серегина дает совершенно новое прочтение одного «темного» места в «Слове», где говорится о гибели удельного полоцкого князя Изяслава.

Наталья Семеновна Серегина – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории искусств. Известна своими работами в области истории гимнографии: *Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994; Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой – памятник XII века // К 1125-летию Полоцка. Конференции «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987; К вопросу авторства песнопений об Евфросинии Полоцкой // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. Международные лихачевские чтения 24–25 мая 2001 года. СПб., 2001.; «Уединенный памятник» (А.С.Пушкин и «Слово о полку Игореве» в свете новых данных о византийских источниках «Слова») // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб., 2003.* и др.

В процессе подготовки издания к печати научным редактором серии «Наследие Полоцкой земли» Л.Ф. Данько было выдвинуто еще одно предположение в подтверждение авторства Марии через сопоставление традиционного христианского значения имени Мария (*госпожа*) со значением слова кир (греч. *господин*) (См. примечание, помеченное знаком *, на с. 54).

Мы признательны всем, кто оказал помощь в подготовке этого издания: дочери Г.В. Сумарукова Ирине Георгиевне и его жене Раисе Сергеевне, доктору искусствоведения Н.С. Серегиной, художнику Леониду Феодору, администрации интернет-сайта «Новый Геродот» и Евгению Белякову, руководству города Полоцка и лично В.С. Точило и С.Г. Куксову.

Г.В. Сумаруков

ЗАТАЕННОЕ ИМЯ
ТАЙНОПИСЬ
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Георгий Владимирович Сумаруков (1929—1997) русский биофизик, кандидат биологических наук; исследователь «Слова о полку Игореве»

Моей жене Раисе Сергеевне посвящаю

ЧАСТЬ I

Понимание любого литературного произведения становится более глубоким, если всматриваться в личность автора: видеть людей, его окружавших, знать обстановку, в которой автор жил и писал. Об авторе «Слова о полку Игореве» нам ничего или почти ничего не известно. Единственным источником каких-либо сведений о нем является само «Слово». Ну и, конечно, эпоха, которой оно принадлежит.

ОТКУДА РОДОМ АВТОР «СЛОВА»?

Исследователи «Слова» неоднократно пытались по языковым особенностям текста определить географическую принадлежность его автора. Для этого они изучали диалектные признаки произведения. Высказывались мнения о киевском, галицком, брянском, курском происхождении автора. Но диалектные особенности языка поэмы — крайне ненадежное основание для таких выводов. Ведь о диалектах домонгольского периода известно слишком мало, а современные сложились относительно недавно. Более того, сгоревшая в московском пожаре 1812 года рукопись была не рукописью самого автора поэмы, а списком с более раннего, обветшавшего списка, который, в свою очередь, был списком с какого-то промежуточного списка. Предполагают, что всего в разное время было сделано три-четыре списка.

Вполне допустимо, что писцы-переписчики были из разных мест и каждый из них привносил в текст свои диалектные слова, сохраняя привнесенные предшественниками. Но возможно и другое объяснение диалектной пестроты: сам автор поэмы жил в местах, где говорили на разных диалектах. Освоив их, он широко применял их в своем творчестве. Проблема осложняется еще и тем, что в поэме встречаются слова из греческого и половецкого языков... Из этого следует, что ни по диалектным особенностям языка, ни по заимствованным из других языков словам о географической принадлежности автора ничего определенного сказать нельзя.

Он князь или не князь?

Поиск имени автора «Слова», начавшийся еще при подготовке к печати первого издания 1800 года, продолжается и поныне. За два века высказано так много предположений, что их можно сгруппировать. К первой группе относятся предположения о том, что автором был приближенный того или иного князя. Из этой среды называли Тимофея — «премудрого книжника», Митусу — «словутного певца», Ходыну — песнотворца, Кочкаря — княжеского милостника, Тимофея Рагуиловича — конюшего, Ольстина Олексича — воеводу, Мирошку Наздиловича — тысяцкого, а также боярина и летописца Петра Бориславича. Однако, как видно из поэмы, смелость автора, его открытые обвинения и явные упреки князьям, а также обращения с советами к князьям, и особенно призывы к объединению, не позволяют принять предположение об авторе — как княжеском приближенном. Достаточно вспомнить известие из Галицко-Волынской летописи под 1241 годом о жестокой расправе над певцом, учиненной князем: «Знаменитого («словутного») певца Митусу, когда-то из гордости не захотевшего служить князю Даниилу, ограбленного, привели, как узника («раздранного, акы связанного приведоша»)».

Во вторую группу предположений о возможных авторах входят появившиеся в последнее время гипотезы о том, что автором «Слова» является тот или иной князь или княгиня. Впервые за автора-князя высказался, не называя, однако, его имени, московский литературовед В.Ф. Ржига в 1934 году. Рассмотрим наиболее интересные версии.

Автором поэмы был князь Игорь, ее главный герой,— так считали биолог Н.В. Шарлемань, поэт И.И. Кобзев, писатель В.А. Чивилихин. В романе-эссе «Память» Чивилихин особенно обстоятельно рассмотрел версию о княжеском происхождении автора и убедительно ее обосновал[1]. Но в исследовании Чивилихина, как, впрочем, и у Шарлеманя и у Кобзева, авторство именно князя Игоря не представляется доказанным.

Были и другие предположения. Киевский исследователь М.А. Абрамов высказывал предположение о том, что автором «Слова» была Евфросиния Ярославна, жена Игоря. Писатель и переводчик А.М. Домнин предполагал авторство князя Рыльского Святослава Олеговича, участника похода, племянника Игоря.

Исследователь И. Державец опубликовал статью под названием: «Агафья Ростиславна — автор «Слова о полку Игореве»?» (с вопросительным знаком). Эта княгиня — вдова князя Олега Святославича, невестка Игоря.

---

[1] *Чивилихин В.А.* Память // Наш современник. 1984. № 3.

Переводчик «Слова» В.В. Медведев предпринял попытку обнародовать авторство великого князя Киевского Святослава Всеволодича, двоюродного брата Игоря.

Наконец, филолог Л.Я. Махновец пришел к выводу, что автором «Слова» мог быть Владимир Ярославич, князь Галицкий, брат Ярославны, шурин Игоря. Владимир хорошо известен по опере А.П. Бородина «Князь Игорь».

Однако в научной литературе ни одна из названных «кандидатур» автором поэмы признана не была. Сомнения по поводу авторства некоторых из названных князей и княгинь сводятся прежде всего к требованиям княжеского этикета. Действительно, невозможно себе представить, чтобы кто-либо из князей, например Святослав Всеволодич или Игорь, в своем собственном литературном произведении непомерно и во всеуслышанье восхвалял бы самого себя, а Игорь, восхваляя, еще себя и укорял. Возникают различные сомнения в авторстве и других предложенных князей как с точки зрения морально-этических оценок Игоря, так и с точки зрения авторской психологии.

Как видно из этого перечня, поиск автора поэмы в княжеской среде привел различных исследователей независимо друг от друга к Ольговичам — потомкам князя Олега Святославича («Гориславича», как его назвал автор поэмы). К Ольговичам принадлежал и князь Игорь, и его двоюродный брат Святослав Всеволодич, а также его племянник Святослав Олегович. Обе княгиги — Агафья и Ярославна — хотя по рождению происходили из других княжеских ветвей, но на правах жен вошли в семьи Ольговичей. К этой ветви не принадлежал только Владимир Галицкий, но он был дружен с Игорем и своей родной сестрой Ярославной и в последние годы жил у них. Любопытно, что предлагаемые в авторы князья сосредоточились в отдельных семьях. Так, из семьи Игоря называли или самого Игоря, или его жену Ярославну. Из другой семьи называли или вдову Агафью Ростиславну, или ее старшего сына Святослава Олеговича. И еще из одной семьи предлагали лишь ее главу — Святослава Всеволодича. Об этом князе следует сказать особо.

О Великом и Грозном князе Святославе

Святослав Всеволодич был великим князем Киевским. Ему автор поэмы посвятил, пожалуй, наиболее вдохновенные строки. По словам автора, Святослав прекратил на Руси междоусобия. Среди князей Ольговичей он — «отец», то есть старший князь. Он — победитель *железных великих полков половецких*. В его гриднице лежал поверженный половецкий хан Кобяк. По воле автора Святослав произносит свое знаменитое *Золотое слово, со слезами смешанное*,— призыв к князьям объединиться в борьбе с половцами. Святослав рассказывает свой полный аллегорий «смутный» сон. Святославу поют славу «немцы и венецианцы, греки и морава». Автор поэмы называет Святослава Грозным и Великим. В поэме он выведен как идеальный князь (из 43 упомянутых в поэме князей лишь три показаны идеальными: он — Святослав Всеволодич, его двоюродный брат Буй-Тур Всеволод — оба современники похода Игоря, и Всеслав Полоцкий, живший за 100 лет до похода Игоря). Если поэму представить как своеобразный литературный триптих, то в ней центральное место займет тема Святослава. Некоторые исследователи, например академик Б.А. Рыбаков, склонны считать, что вся поэма посвяще-

на в первую очередь Святославу и ее главный герой — Святослав, но не Игорь[2]. Автор «Слова» явно завышал значение Святослава. В действительности этот князь не был Великим и Грозным, а обычным, каких на Руси было немало,— так считали и древние летописцы, так считают и многие современные исследователи, хотя на протяжении всего XII века не было другого князя, кто правил бы в Киеве дольше Святослава.

ПОЛОЦКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ВАСИЛЬКОВНА — ВОЗМОЖНЫЙ АВТОР «СЛОВА»

Чрезвычайно заманчиво исследовать возможность написания поэмы женой Святослава Всеволодича. Причин тому несколько. Во-первых, она занимает своеобразную нишу предполагаемых авторов в родословной таблице семей из рода Ольговичей, и эта ниша еще не стала предметом изучения. Во-вторых, эта княгиня, если она была автором поэмы, непомерно восхваляла своего мужа, сделав его идеальным героем поэмы. В-третьих, она включила в поэму большой раздел, описывающий события, происходившие в Полоцкой земле; полоцкая же тема прямого отношения к главной теме поэмы не имеет, и ее присутствие в поэме можно было бы объяснить тем, что жена Святослава была родом из Полоцкой земли. Звали ее Мария Васильковна.

Что известно о Марии Васильковне? В Ипатьевской летописи под 1143 годом читается следующая запись: «В то же лето приведе Всеволод за сына своего Святослава Васильковну Полоцкого князя. И скупишася братия вся и безбожные ляхове. И пиша у Всеволода. И тако разидошася». Историк В.Н. Татищев добавляет, что свадьбу сыграли зимой — между Рождеством и Крещением. В летописном сообщении содержатся любопытные детали. Так, невесту привел, согласно тогдашнему обычаю, не сам жених, а его отец. И свадебный пир состоялся не у жениха, а, как полагалось, у его отца. Летописец, как было принято, княжну-невесту назвал не по имени, а лишь по отчеству. И если бы не Любечский синодик — книга с именами умерших для поминовения в церкви,— мы так и не узнали бы ее имени.

Исходя из даты свадьбы, можно приблизительно определить возраст невесты. Если Святослав родился, как считают исследователи, около 1125 года, то в год свадьбы ему было около 18 лет. Невесте было, видимо, несколько меньше — лет 15—16. Это обычный возраст для вступления в брак на Руси. Следовательно, родилась Мария около 1127—1128 годов.

До свадьбы жизнь Марии складывалась так. Ранние годы она провела в Витебске, где княжил ее отец — Василько Святославич. В 1132 году он был приглашен на княжение в Полоцк, причем приглашение поступило от городского веча, изгнавшего предыдущего неугодного князя. И для маленькой Марии, а ей тогда было около четырех-пяти лет, начался новый, полоцкий период жизни. В Полоцке в то время жила одна из самых замечательных женщин Древней Руси — Евфросиния Полоцкая, сестра отца Марии, ее тетка. Евфросиния, став монахиней в возрасте 11 лет, первое время жила при полоцком Софийском соборе, где она «нача писати своими руками». Она не только переписывала книги для продажи,

[2] *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 131—139.

но и переводила с греческого. Деньги, полученные от продажи книг, раздавала бедным. За четыре года до приезда в Полоцк маленькой Марии Евфросиния основала в пригороде женский монастырь. Огромной заслугой Евфросинии было открытие ею при монастыре школы для девочек. И хотя нет прямых указаний на то, что княжна Мария обучалась грамоте в школе своей тетки, косвенные данные позволяют допустить это. Действительно, возраст Марии был самым «школьным», а ее отец, брат Евфросинии, в те времена был правящим князем в этом стольном городе Полоцкой земли. Невозможно представить себе, чтобы княжну Марию, прожившую в Полоцке до замужества 11 лет, не обучали бы грамоте: ведь, как известно из летописей и современных исследований, в княжеской среде на Руси образованию детей уделяли особое внимание[3].

После свадьбы молодожены отправились на княжение во Владимиро-Волынское княжество, полученное в удел Святославом от отца. Там их относительно самостоятельная и спокойная жизнь продолжалась около трех лет. В 1146 году в Киеве умер отец Святослава, и на Руси произошел обычный в таких случаях передел княжеств. В результате передела у Святослава Владимиро-Волынское княжество отобрали, и для него и Марии начался длительный период лишений и скитаний. Академик Б.А. Рыбаков подсчитал, что в течение первых 12 лет самостоятельной жизни Святослав вынужден был 11 раз менять покровителей, изменяя при этом не только место жительства, но и политические симпатии. В эти годы Святослав жил то в небольших городах по Бугу, то в Туровском или Пинском княжествах, то владел разными малыми городами по Десне, Сейму или в верховьях Оки. И только в 1157 году добился стола относительно крупного Новгород-Северского княжества. Через семь лет он становится князем Черниговской земли, а с 1176 года, с небольшими перерывами, Святослав на правах старшинства занимает Киевский великокняжеский престол.

Надо полагать, что ко времени похода Игоря Мария Васильковна, прожив в супружестве 42(!) года, вместе с мужем исходила-изъездила всю Русь и проникла во все тонкости межкняжеских отношений.

Мария Васильковна была социально активной личностью. С ее мнением считался даже сам великий князь Святослав, ее муж. Ипатьевская летопись рассказывает, что в 1180 году произошло следующее: *Шел Давыд Ростиславич* (князь Смоленский) *в ладьях* (по Днепру) *на охоту, а Святослав шел по Черниговской стороне, охотясь напротив Давыда. И тогда Святослав с княгиней своей и Кочкарем, милостником своим, не поведав знатным боярам думы своей, задумал устремиться на Давыда* (чтобы пленить его), *Давыд же с княгиней своей впрыгнул в ладью. Они же* (Святослав с дружиной) *пытались догнать их по берегу и стреляли из луков по ним. И так Бог сохранил* (беглецов) *невредимыми. Святослав же захватил лишь дружину и имущество. И вернулся из погони. На следующий день искали Давыда, но не нашли.* Как видно из этого рассказа, мнение Марии и Кочкаря для Святослава оказалось достаточным и более важным, чем мнение знатных бояр, для принятия столь ответственного решения, как пленение Смоленского князя.

Историк А.В. Соловьев отмечал, что большой поход на север в 1180 году Святослав предпринял по совету княгини.

В.Н. Татищев писал: «Княгиня и Кочкарь более, нежели Святослав, Киевом владели, и никто в том иное не ведал».

---

[3] *Пушкарева Н.Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

Премудрое древо родословное

Мария Васильковна и Святослав Всеволодич прожили долгую жизнь. У них было пять сыновей и три дочери. Известно, что их дети состояли в династических браках. Такие браки заключались для укрепления межкняжеских отношений. В призывах к единству, содержащихся в «Золотом слове Святослава», династические браки легко прослеживаются. Так, первый призыв обращен к великому князю Владимиро-Суздальской земли Всеволоду Большое Гнездо. Старший сын Святослава, Владимир, в 1179 году женился на племяннице Всеволода, а младший сын, Мстислав, в 1183 году — на свояченице Всеволода (*бысть же брак велик*). Следовательно, Всеволод Большое Гнездо, как родственник родителей обеих молодых жен, приходился Святославу и Марии сватом.

Второй призыв обращен к Рюрику и его брату Давыду. Рюрик был соправителем Святослава, то есть был тоже великим князем Киевским. В 1183 году Святослав женил своего сына Глеба на дочери Рюрика Анастасии. Следовательно, Рюрик был сватом Святославу и Марии. Заметим, что Святослав женил этих сыновей, после того как стал великим князем Киевским,— достигнув высшей власти, он продолжал укреплять ее династическими браками.

Третий призыв к единству Святослав в «Золотом слове» направил еще одному могущественному князю — Ярославу Осмомыслу Галицкому. В 1166 году Святослав выдал замуж свою дочь Болеславу за сына Осмомысла, известного Владимира Галицкого. Ярослав Осмомысл, таким образом, также приходился Святославу и Марии сватом.

Последующие обращения адресованы второстепенным князьям, с которыми Святослав в близком родстве или свойстве не состоял.

В династических браках состояли и другие дети Святослава и Марии: Олег первым браком был женат на дочери Андрея Боголюбского, а вторым — на дочери Юрия Ростиславича; Всеволод Чермный был женат на Марии-Анастасии, дочери великого князя Польского Казимира II; еще одна дочь была выдана за внука Мстислава Великого, а другая — за Романа Глебовича.

Древнерусские летописцы в родословном древе правящей княжеской династии выделяли крупные ветви: были князья Ольговичи, потомки Олега Святославича, были Мономашичи — потомки Владимира Мономаха, были и полоцкие князья — Всеславичи. Иногда в летописях выделялись и более мелкие ответвления. Такое группирование князей было удобно, поскольку князья каждой ветви обычно проводили одну и ту же или близкую политику по отношению к другим династическим ветвям или соседним странам. Однако принадлежность князей к какой-либо группировке вовсе не исключала возможности силовых столкновений при переделах владений внутри такой ветви. В битвах гибли дружинники и мирное население, горели и разграблялись города, но в конце концов наступало замирение, и между князьями восстанавливалась родственная дружба. Летописцы отмечали и войны между крупными династическими группировками. Чаще всего такие сообщения касались отношений между Ольговичами и Мономашичами. В современной научной литературе это подчеркивается так сильно, что порой кажется, будто вражда между ними была такой же постоянной и непримиримой, как между домами Монтекки и Капулетти из «Ромео и Джульетты» В. Шекспира. В действительности такой вражды не было. Обострения отношений были кратковременными, и столкновения имели местное значение. Частые сообщения о войнах между Ольговичами и Мономашичами можно объяснить тем, что обе

эти группировки были на Руси относительно многочисленными по сравнению с другими княжескими группировками. Во всяком случае, между Ольговичами и Мономашичами династические браки были нередки. Во времена похода Игоря из Ольговичей в браках с Мономашичами были названные выше сыновья Святослава и Марии — Владимир, Мстислав, Глеб и Олег, а также две дочери, имена которых установить не удалось,— всего шесть детей из восьми. Это немало. Брат Игоря, Буй-Тур Всеволод, был женат на внучке Юрия Долгорукого — «Красной Глебовне», как она названа в «Слове». Один из сыновей Игоря, Святослав, был женат на дочери Рюрика. Из этого краткого перечня видно, что в те времена брачные узы не разъединяли, а весьма тесно связывали Ольговичей с Мономашичами.

Автор «Слова о полку Игореве» был сторонником князей Ольговичей. Это факт очевидный. Интересно, что призывы к единству в поэме обращены к десяти разным князьям Мономашичам и лишь к одному князю из ветви Галицких князей — Ярославу Осмомыслу. Полное отсутствие обращений к князьям Ольговичам вполне объяснимо: автор понимал, что сплочение Ольговичей должно произойти без особого приглашения. По той же причине полностью отсутствуют обращения и к Полоцким князьям. Это становится понятным, если считать, что автор поэмы, близкий к Святославу человек, происходил из Полоцкой земли, где остались его близкие родственники, которые по законам родства должны явиться на помощь.

Женщина — летописец?

Великая княгиня Мария Васильковна, по-видимому, принимала участие в Киевском летописании. Академик Б.А. Рыбаков из Киевской летописи выделяет тексты, которые называет «Киевской летописью Святослава Всеволодича»[4]. В эту летопись входят записи с 1179 по 1186 и за 1194 год. Характерной особенностью этих записей является обилие всякого рода семейных подробностей, чего в текстах летописи за другие годы почти нет. Так, в летописи Святослава под 1179 годом сообщается, что он женил сына Всеволода на польской княжне. Б.А. Рыбаков обращает внимание на то, что великий князь Киевский назван без отчества и титула, просто по имени. Это мог сделать только его личный летописец (добавим: или жена). Еще запись: Всеволод Большое Гнездо выдал свою племянницу за сына Святослава — Владимира (*Иде Владимир с женою к Чернигову, к отню — ту бо живяше Святослав*). Следующая запись: *Того же лета преставися Глебовая княгиня Рязаньская*. Еще в одной записи очень кратко описано погребение матери Святослава в Кирилловской церкви, построенной ею в память своего мужа — Всеволода-Кирилла. Сообщается также об успешном отражении половецкого набега, в котором Святослав представлен как мудрый военачальник. Следующая статья летописи сообщает о перераспределении княжеств в Черниговской земле между князьями Ольговичами. Под этим же годом записано, что брат Святослава, Ярослав Черниговский, выдал дочь за Переяславского князя. И, наконец, запись о крестинах: дочь Юрия Долгорукого, Ольга Юрьевна, крестила дочь Всеволода Большое Гнездо.

Как видно из этих записей, тема семейных отношений явно преобладает над темой государственных отношений. Действительно, летописец сообщил о раз-

---

[4] *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 131.

ных свадьбах три раза, о крестинах — один, о смертях — три. О государственных же делах сказано лишь два раза: об отражении половецкого набега и о переделе в Черниговской земле. Все эти семейные подробности, очевидно, указывают на то, что к написанию «Киевской летописи Святослава Всеволодича» имела какое-то отношение женщина, притом общалась она со Святославом по-свойски, называя его по имени, без титула и отчества, и подчеркивая его военное искусство. Такой женщиной могла быть только княгиня, а именно великая княгиня Киевская Мария Васильковна, жена Святослава Всеволодича.

В чем могло состоять участие Марии Васильковны при составлении Святославовой летописи? Она могла давать княжескому летописцу указания в общем виде о надобности написать на заданную ею тему. Могла проверять написанное летописцем сообщение и вносить свои изменения. Могла, наконец, сама написать летописный текст (об этом рассказано ниже).

Святославова летопись завершается рассказом под 1194 годом. Это короткое произведение оставляет сильное впечатление своей простотой и проникновенностью. И оно достойно того, чтобы его привести полностью:

1194 год. Святослав созвал в город Рогов своих родственников: брата Ярослава и двух двоюродных братьев — Игоря и Всеволода. И стал с ними думу думать, чтобы пойти им на Рязанских князей, претендуя на тамошние волости. Послал Святослав посла в Суздаль к Всеволоду Большое Гнездо, желая получить от него согласие идти на Рязань. Всеволод согласия не дал.

И Святослав отправился обратно из Корачева в Киев в Юрьев день, 23 апреля. И ехал летом на санях, потому что у него на ноге образовался нарыв. И плыл в лодках-насадах по Десне. Прибыл Святослав в Киев.

И поехал оттуда в Вышгород в пятницу, 22 июля, поклониться святым Борису и Глебу. И вошел в церковь, со слезами приложился к святой раке. И потом в Кирилловскую церковь поехал, к отцовой гробнице, и хотел войти в церковь, но поп с ключом случайно отлучился. Святослав его не дождался и расстроился тем, что не пришлось ему поклониться отцову гробу. И поехал в Киев.

В субботу поехал в церковь святых мучеников Бориса и Глеба, стоящую у монастыря святого Кирилла, как бы присутствуя на последней службе.

В воскресенье был праздник: память мучеников благоверных князей Бориса и Глеба. И не мог он ехать с Нового двора, здесь этот праздник и праздновал.

Наутро, в понедельник, 25 июля, пришла к нему весть от сватов, прибывающих посольством, чтобы взять Святославову внучку, Ефимью Глебовну, за византийского царевича. Святослав выслал им навстречу киевских знатных бояр, а сам не поехал, так как был болен и слаб, и речь его была невнятной.

И очнувшись от забытья, спросил княгиню свою: «Когда будет день святых Маккавеев?» Она ответила: «В понедельник» (через неделю, 1 августа)*. Князь сказал: «О не дождусь я этого дня»* (ведь в день святых Маккавеев умер в 1146 году его отец, князь Всеволод)*. Княгиня видела, что принятие им монашества невозможно. Князь же стал просить, чтобы исповедаться. И сказал: «Я верую в единого Бога». И велел постричь себя в монахи. И послал за сватом своим Рюриком. И преставился 25 июля. И положили его во святом Кирилловом, в родовом его монастыре.*

Князь Святослав был мудр: в заповедях Божьих ходил и чистоту телесную проповедовал, монашеский чин и иерейский любил, и нищих миловал.

В рассказе необычайно много подробностей. Думается, что писавший этот рассказ либо сам следовал всюду за Святославом, либо излагал рассказанное ему

очевидцем. Княгиня, упомянутая в рассказе — это Мария Васильковна. Она находилась у смертного одра Святослава, с которым прожила вместе 51 год. В этом рассказе, как и в летописных статьях 1179 года, чувствуется рука великой княгини. Святослав показан с наилучшей стороны. Обращает на себя внимание отношение автора рассказа к родителям Святослава. Добрая память об отце сохранилась у Святослава на протяжении почти 50 лет: он даже хочет умереть в день смерти отца. О его матери, Марии Мстиславне, в рассказе нет ни слова, хотя она умерла относительно недавно и похоронена в том же родовом монастыре, кстати сказать, ею же созданном. В статье 1179 года о смерти и похоронах Марии Мстиславны, как было отмечено, сказано глухо и сдержанно. Такое отношение к Марии Мстиславне, разумеется, задано летописцу либо самим Святославом, либо Марией Васильковной, ее снохой, что более вероятно.

Древнерусские писатели-книжники

Немаловажное значение для становления писательского таланта имеет та среда, в которой писатель живет. Мария Васильковна, как мы видели, с раннего детства и до замужества жила в Полоцке, где в те годы была ее тетка — игуменья Евфросиния — одна из образованнейших женщин Древней Руси. Грамотной была и бабушка Марии — Полоцкая княгиня Софья, дочь византийского императора. Археологами найдены личные печати, которые привешивались к грамотам, с именами Евфросинии и Софьи. Княжна Мария жила в Полоцке на протяжении именно того десятилетия, когда вместо пяти князей, высланных за непослушание в Византию Мстиславом Великим, в Полоцкой земле частичное управление делами взяли на себя княгини. Мария была в дальнем родстве с крупнейшей византийской писательницей — Анной Комниной, которой бабушка Марии, Софья, приходилась племянницей. Анна Комнина написала «Алексиаду» — историю царствования ее отца, императора Алексея I. Анна умерла в 1148 году, когда Марии было около 20 лет. Надо полагать, что Анна Комнина вызывала гордость и была примером для подражания у современников и потомков (близких и дальних), в том числе и у Полоцких князей.

Таким образом, в молодые годы Мария имела перед собой наглядные примеры образованности женщин и их участия в управлении княжествами.

И позже, выйдя замуж, Мария Васильковна была в самом центре культурной и политической жизни Древней Руси. Действительно, ее муж, Святослав Всеволодич, по своему происхождению принадлежал к двум самым могущественным княжеским ветвям: по мужской линии — к Ольговичам, по женской — к Мономашичам. Об образованности князей Ольговичей из летописей известно немного. Отец Святослава, Всеволод Олегович, был великим князем Киевским. Он немало сделал для укрепления единства и могущества Руси. Дед Святослава, Олег Святославич («Гориславич») великим князем Киевским так и не смог стать. Он долго жил в Византии, там неудачно женился на Феофании Музалони, расстался с ней и возвратился на Русь, княжил в Тьмуторокани и главным образом в Чернигове, поддерживал довольно тесные отношения с половцами, вторую жену взял половчанку. Прадед Святослава, князь Святослав Ярославич, был «князем книжным».

Значительно больше сведений сохранилось о культурном мире предков Святослава по женской линии — князей Мономашичей. По определению известного московского филолога А.Н. Робинсона, в те времена на Руси не было княгини знатнее Марии Мстиславны: она принадлежала к высшей европейской аристократии, поскольку ее предками на протяжении нескольких столетий были все великие князья Киевские, а также византийский император, два шведских короля и англо-саксонский король[5]. Она была не только знатной, но и богатой. При ее усилиях на окраине Киева был построен Кирилловский монастырь. На стенах Софии Киевской археолог С.А. Высоцкий раскрыл процарапанные по штукатурке древние надписи, в одной из них читается, что княгиня Всеволожая (т.е. жена Всеволода) в присутствии поименованных нескольких свидетелей купила землю Боянову за 700 гривен[6]. Полагают, что Боянова земля примыкала к земле Кириллова монастыря, а Боян — это поэт-певец, о котором говорится в «Слове».

Высокое положение занимали и сестры и братья Марии Мстиславны. Четыре сестры были выданы за иностранных монархов: за византийского императора, венгерского, норвежского и датского королей, а братья, Изяслав и Ростислав, после смерти отца в разные годы становились великими князьями Киевскими. Одна из сестер — Зоя-Евпраксия — составила лечебник на греческом языке. Дед Святослава, Мстислав Великий, будучи великим князем Киевским, по мнению исследователей, лично занимался летописанием. Его жена, Христина, принцесса шведская, имела личную печать.

Прадедом Святослава по материнской линии был великий князь Киевский Владимир Мономах — крупнейший древнерусский писатель. Он написал знаменитое «Поучение детям» и письмо Олегу Святославичу, а также древнейшую из дошедших до нас автобиографию. Н.М. Карамзин отметил, что Владимир Мономах «писал не только умно, но и красноречиво».

Прапрадед Святослава — великий князь Киевский Всеволод Ярославич, сын Ярослава Мудрого. Он был широко образованным человеком, полиглотом. В летописи сказано, что он, «сидя дома», знал пять языков. По определению А.Н. Робинсона, Всеволод знал греческий, шведско-норвежский, половецкий, латынь и родной ему древнерусский язык. Жена Всеволода, Мария, имела личную печать. Сестра Всеволода Ярославича, знаменитая Анна, ставшая королевой Франции, читала и писала по-гречески, по-латыни, по-древнерусски. Дочь Всеволода Ярославича, Янка (Анна), в построенном для нее отцом монастыре в Киеве около 1086 года открыла первую на Руси школу для девочек. В.Н. Татищев в «Истории Российской» об Анне-Янке писал, что она, *собравши же младых девиц велико, обучала писанию, такоже ремеслам, пению, швению и иным полезным знаниям*[7]. Брат Всеволода, Святослав, как было отмечено выше, был «князем книжным».

Предком Святослава Всеволодича в пятом поколении был Ярослав Мудрый. О книжности последнего в «Повести временных лет» под 1037 годом сказано: *Ярослав... книги любил, читая их часто ночью и днем. Собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением Божествен-*

---

[5] *Робинсон А.Н.* Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха // «Слово о полку Игореве». 800 лет. М., 1986. С. 163.

[6] *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966. С. 69.

[7] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 2. М.-Л., 1964. С. 95.

ным. И далее: *Велика ведь бывает польза от учения книжного.* И еще: *Ярослав, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам.* Таким образом, Ярослав Мудрый открыл при Софии Киевской первую на Руси библиотеку.

Книжность передается потомкам

Грамотность и книжность традиционно культивировалась и у потомков Марии Васильковны и Святослава Всеволодича. Их внук Михаил Черниговский вместе с боярином Всеволодичем, «образованным от философов», обучал в домашних условиях двух своих дочерей. Одна из них, Марья, со временем станет первой на Руси женщиной-летописцем,— как предполагает Н.Л.Пушкарева, она приняла участие в составлении Ростовского летописного свода[8]. В эту летопись вошли принадлежащие ей рассказы о гибели ее мужа, князя Василька Константиновича, в битве с татаро-монголами на реке Сити в 1238 году, рассказ о перенесении тела убитого в той же битве князя Юрия в Ростов и запись о гибели в Орде в 1246 году Михаила Черниговского. При участии Марии составлено «Житие Михаила Черниговского и боярина Федора» — об их подвиге и страдании за христианскую веру. Михаил Черниговский канонизирован Русской Православной церковью. Вторая дочь Михаила Черниговского, Евфросиния Суздальская, впоследствии тоже была канонизирована. Как следует из «Жития», посвященного ей, она знала античную литературу.

Грамотность и книжность были в почете у князей, принадлежавших и другим княжеским ветвям. Так, из современников Марии Васильковны и Святослава Всеволодича можно назвать Андрея Боголюбского, великого князя Владимирского. Он — автор «Слова о празднике 1 августа», «Жития Леонтия Ростовского» и других сочинений. Жена Всеволода Большое Гнездо, Мария, написала «Поучение своим детям», а их дочь Верхуслава вела переписку с епископом Симеоном — одним из авторов «Киево-Печерского патерика». Сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимиро-Суздальский Константин Мудрый, переводил с греческого. Н.М. Карамзин отмечал, что Ярослав Мудрый и Константин отменно любили чтение книг. В.Н. Татищев о Константине писал так: «Великий был охотник к чтению и научен был многим наукам... многие дела давних князей собрал и сам писал, а також и другие с ним трудились»[9]. У Константина была одна из крупнейших в Древней Руси библиотек. Жена Константина Мудрого также была грамотна. Князь Ярослав Осмомысл Галицкий, герой поэмы, отец Ярославны, был «книжный князь».

Из этого обзора, не претендующего, однако, на полноту, видно, что на Руси в княжеской среде книжность была распространенным явлением. И что особенно важно, не только среди мужчин, но и среди женщин. Следует отметить, что в XI—XIII веках распространение княжеской «книжности» не было чисто русским явлением: среди западноевропейских монархов также встречались писатели, а иногда и писательницы. Итак, вопреки мнениям исследователей-скептиков, считающих, что писательский труд — не княжеское дело, предположение о том,

---

[8] *Пушкарева Н.Л.* Указ. соч. С. 39.

[9] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 3. С. 206.

что «Слово о полку Игореве» мог написать князь или даже княгиня, представляется вполне правомочным. Значит, правомочно и предположение об авторстве «Слова» Марии Васильковны. Однако, если против авторства князей в исследовательской литературе серьезных возражений не встречается, то против авторства княгини высказываются самые решительные протесты.

Признаки «женского почерка» в «Слове»

В качестве одного из главных — если не самого главного — возражений против авторства женщины выдвигают то, что «Слово» — произведение о войне, а поскольку война — дело мужское, то и автор его, естественно, должен быть мужчиной. Л.Е. Махновец скрупулезно подсчитал, что на Руси в конце XII века было — ни больше, ни меньше — 299 княгинь, но по указанной причине ни одна из них не могла быть автором этой поэмы (правда, он все же допускает, что «Плач Ярославны» могла написать женщина)[10]. Спору нет, «Слово о полку Игореве» относится к военным повестям. В нем рассказано о походе Игоря со своими дружинами на половцев, о сражении, окончившемся поражением дружин, о пленении Игоря. Но рассмотрим внимательно, как в «Слове» изложено начало сражения:

Утром, в пятницу, потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девиц половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем половецким. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

По этому описанию совершенно невозможно воссоздать картину сражения. Собственно, о сражении здесь сказано поверхностно, в самых общих фразах: половецкие полки «потоптаны». А вот о военной добыче говорится, наоборот, очень подробно: ценные украшения и одежды перечислены со всей скрупулезностью.

Так писать могла только женщина. Более того, в поэме, там, где приведено окончание сражения Игоря, а также в описаниях сражений давно минувших дней — всюду предметы военного обихода снабжены яркими эпитетами, например: щиты *червленые*, сабли *каленые*, полки *железные*. Метафорично говорится о действиях воинов на поле брани: занять оборону — это значит *кликом поля перегородить*, пойти в наступление — *рассыпаться стрелами по полю*. Таких эпитетов и метафор здесь очень много. Именно они придают поэме ту особую поэтичность, которая выделяет ее из остальной массы древних, безусловно, замечательных, но все же прозаических литературных произведений. Такая манера описания сражений, какую мы видим в «Слове», явно более подходит автору-женщине, нежели мужчине.

В противоположность тому, что мы видели в «Слове», в Ипатьевской летописи, в повести об этом же походе Игоря, начало сражения описано подробно, ясно, четко и строго.

---

[10] *Махновець Л.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989.

Наутро же, в пятницу, во время, когда служат обедню, встретились с полками половецкими. Успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюурлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк — посередине, а по правую руку — полк брата его, Всеволода, а по левую руку — Святослава, племянника его, перед этими полками — полк сына его, Владимира, и другой полк, Ярославов: ковуи с Ольстином, а еще полк впереди: стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои...

Так же подробно в летописной повести описаны и все другие эпизоды этого сражения. Мы не знаем, кем был автор этой летописной повести — человеком светским или из духовного сословия, но ясно, что он был мужчиной, а не женщиной. Столь же тщательно описаны ратные сцены и многих других военных повестей всего древнерусского периода.

Женщина-охотница?

Против авторства женщины, на первый взгляд, свидетельствуют и многочисленные употребления образов из соколиной охоты, например в описании игры на гуслях певца Бояна: *Боян же, братья, не десять соколов на стаю лебедей пускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал — они же сами князьям славу рокотали*. Или еще пример: *Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей — которую догонял сокол, та первая песнь пела*. Таких примеров немало.

Считается, что широкое применение образов соколиной охоты указывает на то, что автор был хорошим охотником. Отсюда вывод напрашивается сам собой: поскольку охота — занятие чисто мужское, то автор поэмы — мужчина. В общем виде это так, но применительно к «Слову» этот вывод представляется спорным. Автором могла быть и женщина. И вот почему. Во-первых, по описаниям в поэме воссоздать ни одну из сцен соколиной охоты нельзя, поскольку они изложены в самых общих чертах и метафорично, можно сказать чисто по-женски (как и ратные сцены). Ведь не называем же мы охотниками сочинителей фольклорных произведений, в которых имеются образы соколиной охоты. Во-вторых, известно, что женщины лично участвовали в княжеских охотах. Выше было приведено летописное сообщение о неудачной попытке Святослава взять в плен Давыда Смоленского. Нападение совершено на охоте, причем и Давыд, и Святослав охотились вместе с женами. Так что женщины-княгини представляли себе хотя бы в общем виде охотничье, мужское дело.

Все-таки женщина

Еще одна литературная особенность может свидетельствовать в пользу автора-женщины. Это плачи. Всего в поэме три плача: плач русских женщин о павших на поле брани мужьях, знаменитый «Плач Ярославны» по мужу Игорю, плененному половцами, и плач княгини Анны по утонувшему в реке Стугне сыну Ростиславу (кстати, в этой сцене автор не упомянул имени его сводного брата Владимира Мономаха, на глазах которого Ростислав утонул — это явное умолча-

ние о Владимире Мономахе; об умолчаниях см. ниже). Хорошо известно, что во все времена слагательницами и исполнительницами плачей на Руси были женщины. В летописях, которые почти всегда писались мужчинами, о плачах упоминается лишь вскользь и поверхностно.

Эффект присутствия

Часто высказывают мнение о том, что автор поэмы был участником похода и даже находился рядом с Игорем во время его побега из плена. Основанием для этого служат многочисленные подробности, создающие «эффект присутствия» автора на месте событий. Из этого должно следовать, что автор поэмы — воин, мужчина, а не женщина. Однако в поэме немало других сцен и эпизодов, столь же насыщенных деталями и подробностями, создающими «эффект присутствия»,— именно таких сцен и эпизодов, которые происходили в одно и то же время. Например, присутствие автора чувствуется как в сцене побега Игоря, так и в сцене погони за ним ханов Кончака и Гзака. Но оба эти действия происходили одновременно. Не мог же автор быть одновременно в двух местах — рядом с Игорем и рядом с ханами. Или сцена произнесения в Киеве Святославом «Золотого слова, со слезами смешанного» и сцена «Плач Ярославны» в Путивле. Кроме того, в поэме есть подробные описания событий, происходивших в далеком прошлом, например игра на гуслях певца Бояна, жившего за 100 лет до похода Игоря: они изложены так, будто автор и там присутствовал. Из этих примеров ясно, что «эффект присутствия» объясняется не реальным нахождением автора на месте событий, а его высоким писательским талантом.

Итак, мы видим, что «Слово о полку Игореве» могла написать и женщина, или, точнее,— скорее всего, женщина.

Как уже отмечалось, Святославу Киевскому в поэме не только дается непомерно высокая оценка, но ему отведена чуть не половина всей поэмы, причем ее центральная часть. Такое внимание Святославу могла оказать его жена, Мария Васильковна.

ПОЛОЦКАЯ ТЕМА В «СЛОВЕ» — ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА АВТОРА

Мы упоминали также, что в поэме есть большой раздел, в котором описаны события, происходившие в Полоцкой земле (напомним, что Мария Васильковна была княжной Полоцкой). Действительно, полоцкий раздел занимает одну десятую часть всего текста поэмы — столько же, сколько описания всех сражений, вместе взятых. Такое внимание к полоцким событиям может свидетельствовать о полоцком происхождении автора. Раздел начинается с рассказа-вставки о князе Изяславе:

Уже ведь Сула не течет серебряными струями для города Переяславля. И Двина болотом течет у грозных полочан под кликом поганых. Один лишь Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, омрачил славу деда своего Всеслава, а сам под багряными щитами на кровавой траве,

израненный литовскими мечами, исходил юной кровью и сказал: «Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали».

Изяслав Василькович — брат Марии Васильковны — княжил, видимо, в небольшом княжестве Полоцкой земли где-то у границы с Литовской землей.

Полоцкая тема продолжается и после рассказа-вставки об Изяславе:

Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода: одиноко изронил он жемчужную душу из храброго тела через златое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье. Трубы трубят городенские.

Князь Брячислав — родной брат Марии Васильковны. В поэме сказано: *Не было тут б р а т а Брячислава...* (выделено мной.— *Г.С.*). Если бы поэму писал посторонний этому персонажу человек, он написал бы: *Не было тут князя Брячислава...* но не ***брата****.* Очевидно, употребление этого слова указывает на родственные отношения писавшего поэму к Брячиславу и его братьям. Это обстоятельство также свидетельствует в пользу авторства Марии.

Названный третьим князь Всеволод («другой Всеволод») был братом Марии. Он, как и Изяслав, в летописях не упомянут. Итак, в этом разделе поэмы названы три родных брата Марии Васильковны. Осведомленность автора о полоцких делах значительно бóльшая, чем у летописцев: братья не только названы по именам, но и сообщается о сражениях, в которых погибли двое из них. Об этих сражениях летописи молчат. Авторская скорбь по погибшим может быть понята как скорбь близкого родственника.

Завершается полоцкий раздел поэмы подробным большим рассказом-вставкой о вещем князе Всеславе Полоцком. Он был прадедом Марии Васильковны по отцовской линии и современником Олега «Гориславича». В поэме к Всеславу Полоцкому, личности очень противоречивой, автор относится однозначно: с восхищением.

Полоцкие Гориславны

Можно привести еще одно косвенное свидетельство в пользу полоцкого происхождения автора «Слова». Родоначальник князей Ольговичей, Олег Святославич, в поэме назван Олегом *Гориславичем*. Ни в каких других письменных источниках он *Гориславичем* не прозывался. Это отчество-прозвище происходит от имени *Горислав*. Происхождение его, считают исследователи, неясно. Ясна только вторая половина имени — *слав*, т.е. *слава* или *славный*. Первая же половина имени произошла либо от слова *горе* (в таком случае полное имя — *Горькославный*), либо от слова *гора, верх — Верхославный*, но, думается, что правомочно производить его и от глагола *гореть*, тогда полное имя означает *Горящий славой*. Так или иначе, но в поэме Олегу Гориславичу автор и сочувствует, и осуждает его, и восхищается им. Имя *Горислав* (женская разновидность — *Горислава*) в древнерусских письменных источниках встречается считанное число раз. Два из них для нас представляют интерес, поскольку имеют прямое отношение к Полоцкой земле.

Владимир I Красное Солнышко, взяв в жены полоцкую княжну Рогнеду после кровавой расправы над ее отцом и братом, прозвал ее *Гориславой*. Дальнейшая судьба Рогнеды-Гориславы была горестна: Владимир выслал ее с сыном-первенцем Изяславом в отстроенный для них город в Полоцкой земле —

Изяславль. Изяслав стал основателем династической ветви Полоцких князей, к которой принадлежала и Мария Васильковна. Второй раз это имя встречается в связи с более близкой Марии Васильковне родственницей. Игуменья Евфросиния Полоцкая постригла в монахини двух своих сестер, родную и двоюродную, и двух племянниц. Родную сестру в миру звали *Гориславой*. Княжна Мария Васильковна приходилась Гориславе племянницей и, возможно, училась вместе с ней в монастырской школе. Без сомнения, Мария Васильковна знала и трагическую судьбу полоцкой Рогнеды-Гориславы, приходившейся ей прабабкой.

Таким образом, в роду Марии Васильковны были две *Гориславы*, о судьбах которых она знала. И если она действительно была автором «Слова», то становится понятным отнесение этого очень редкого отчества-прозвища к Олегу Святославичу, родному деду ее мужа. Неясно только, почему она его так прозвала — из сочувствия, осуждения или восхищения.

Оглушительные умолчания

В поисках имени автора любого литературного произведения исследователи обращают внимание не только на упомянутые события, но и на то, о чем автор умолчал, чтобы понять причины умолчания. В «Слове о полку Игореве» таких явных умолчаний несколько.

На Руси было всего три Софийских собора. В поэме же упомянуты лишь два — Киевский и Полоцкий. А Новгородский собор, второй по значению, не упомянут. Причина умолчания заключается, видимо, в том, что автор не хотел писать о неприглядном эпизоде, происшедшем в 1067 году. Всеслав Полоцкий, захватив Новгород, снял с Софии колокола и перевез их на Софию Полоцкую. В полоцком разделе поэмы говорится о том, что Всеслав, находясь в Киеве, слышал звон колоколов из Полоцка. О том, что это были новгородские колокола, автор не упомянул. Такое умолчание мог сделать лишь полоцкий автор, симпатизировавший Всеславу и представлявший его идеальным князем.

Автор в «Слове» ничего не пишет о Владимире Мономахе, княжившем в Киеве несколько десятилетий назад. Между тем этот могущественный князь мог бы быть блестящим примером для подражания князьям Игорева времени. Во-первых, Владимир Мономах, как никто из других князей, создал прочное единство на Руси. Во-вторых, объединив Русь, он нанес такой сокрушительный удар по половецким ордам, что после него в южных степях половцев не было около двух десятилетий.

Но Владимир Мономах принимал участие и во внутренних походах, в междоусобной борьбе Древней Руси. Немало таких походов связано с Полоцкой землей, и о них он пишет в своем «Поучении детям». Так, летом 1077 года, будучи совсем молодым князем, он ходил на Полоцк. Кажется, этот поход был неудачным, но на другую зиму состоялся новый поход, в результате которого *выжгли Полоцк*. В следующем году Всеслав Полоцкий сжег Смоленск — ответом Мономаха был стремительный конный рейд преследования с поводными конями к Смоленску, но Всеслава там уже не застали. Однако преследование продолжили, и Мономах *пожег землю* (Полоцкую), *повоевал ее до Лукомля и до Логожска, после чего пошел войной на Друцк*. Владимир Мономах вел междоусобные войны

в Полоцкой земле и позже, став великим князем Киевским. Однажды осенью он вместе с черниговскими дружинами и наемными половцами ходил к Минску. Они *захватили город и не оставили в нем ни челядинца, ни скотины*. Состоялся еще один поход в Полоцкую землю: *...к Минску ходили, на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог. И делали то, что задумали*. А задумали отторгнуть Минскую волость от Полоцкой земли и присоединить к Киевской, а Глеба вместе с семьей как пленника вывезти в Киев.

Еще одно красноречивое умолчание — о великом князе Киевском Мстиславе Владимировиче, сыне Владимира Мономаха. Он успешно продолжал политику отца, ведущую к сплочению русских княжеств в борьбе с внешней опасностью. Как сказано в летописи, он загнал половцев *за Дон и за Волгу, за Яик* (Урал). Известны его успехи в установлении добрых отношений со многими европейскими странами. За многочисленные достоинства этого могущественного князя еще при жизни называли Великим. Но по отношению к Полоцкой земле Мстислав Великий, как и его отец, проводил жесткую политику. Так, он организовал совместный поход нескольких князей против «непослушного» Полоцкого князя, намеревавшегося вернуть отторгнутые еще Владимиром Мономахом Минскую и Друцкую волости. Наступление шло четырьмя колоннами, и нападение на полоцкие города должно было произойти одновременно в условленный день. Но полочане сами изгнали неугодного Мстиславу князя, избежав тем самым разгрома. По отношению к Полоцкой земле Мстислав совершил еще одно унижавшее полочан действие. За очередное непослушание он вызвал в Киев трех полоцких князей с семьями и двух княжичей, там их осудил и выслал в Византию, в Константинополь, к своему зятю, императору Иоанну II Комнину. Ссылка продолжалась десять лет.

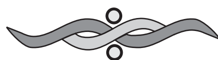
Оба великих князя — Владимир Мономах и Мстислав Великий — крепко держали единство Руси в защите от половецкой опасности, поэтому они, без сомнения, были бы очень удачными образцами князей для дополнительного утверждения главной идеи «Слова». Но по отношению к Полоцкой земле они проводили разрушительную, подчас унизительную политику. Следовательно, умолчание их имен может указывать на полоцкое происхождение автора поэмы, которому оба эти князя, разумеется, не были симпатичны.

Итак, похоже на то, что автором была Мария Полоцкая

Таким образом, здесь высказано предположение о возможном авторе «Слова о полку Игореве» — княгине Марии Васильковне, жене Святослава Всеволодича, одного из главных героев поэмы. Основанием для этого были следующие рассуждения. Княгиня Мария Васильковна, в принципе, могла быть автором, поскольку в Древней Руси среди князей и княгинь писатели были, в том числе выдающиеся. Княжна Мария с раннего детства и до замужества жила в Полоцке, где княжил ее отец, и, по-видимому, там в школе для девочек, открытой ее знаменитой теткой — игуменьей Евфросинией Полоцкой, она получила образование. Выданная замуж, Мария Васильковна на многие годы оказалась в самом центре политической и культурной жизни Руси, вместе с мужем изъездила всю Русь

и имела возможность вникать во все тонкости межкняжеских отношений. Став великой княгиней Киевской, она решительно вторгалась в дела управления княжеством и вообще проявляла высокую социальную активность. Она жила в той княжеской среде, где традиционно высоко чтили книжность. В «Слове о полку Игореве», на мой взгляд, со всей четкостью проступает «женский почерк». Военная тема и сцены охоты изложены в самом общем виде, чисто по-женски, с привлечением многочисленных подробностей, касающихся украшений и нарядов. По-женски эмоционально переданы и три плача русских женщин, в том числе и знаменитый «Плач Ярославны». Многочисленные красочные и яркие эпитеты выделяют «Слово» из ряда других древнерусских произведений, вероятно, потому, что оно написано не мужчиной, а женщиной.

Несколько признаков указывают на полоцкое происхождение автора «Слова». Это и осведомленность в полоцких событиях, изложенных в непомерно большом по объему разделе-вставке, где говорится с сочувствием о трех братьях Васильковичах. И что замечательно, автор более осведомлен о полоцких делах, чем летописцы; он называет имена братьев Изяслава и Всеволода, о которых летописи молчат. Автор рассказывает и о Полоцком князе Всеславе Вещем. Употребляет чрезвычайно редкое, но обычное для полоцкой княжеской среды имя-прозвище «Гориславич». Признак полоцкого происхождения автора — это и умолчания об обидчиках Полоцкой земли — князьях Владимире Мономахе и Мстиславе Великом, являвшихся, между тем, прекрасными примерами для подражания в борьбе с половцами. Это и обращения с призывами объединиться, адресованные князьям разных княжеских ветвей, за исключением Ольговичей (Черниговских) и Всеславичей (Полоцких): для тех и других не нужно было особого приглашения — по закону родства оно предполагалось само собой. «Отцом» князей Ольговичей был Киевский великий князь Святослав. От Полоцкой земли в Киеве была только Мария Васильковна. Можно смело утверждать, что полоцкая тема в «Слове о полку Игореве» — это своеобразная визитная карточка автора. По-видимому, именно она, Мария Васильковна, и была автором «Слова о полку Игореве». Однако это предположение основано лишь на косвенных свидетельствах. Необходимы же прямые доказательства.



ЧАСТЬ II

Полихромный рельеф «Княгиня»

Художник Леонид Феодор

Прежде чем начать поиск имени автора в тексте «Слова о полку Игореве», следует обозреть различные древнерусские письменные источники, чтобы уяснить себе, каким образом в них проставлялись имена сочинителей. По источникам можно выделить несколько приемов.

Прием первый.

Имя автора включалось в полное название сочинения, например «Слово святого Феодосия, игумена Печерского монастыря» (XI в.).

Прием второй.

Имя автора помещалось в первой фразе сочинения. Например, в своем «Поучении детям» (1117 г.) Владимир Мономах писал: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов...»

Прием третий.

Имя автора находилось где-то в середине текста сочинения.

Например, в «Повесть временных лет» под 1097 годом включена «Повесть об ослеплении князя Василька Теребовльского». В ней приведено имя писавшего — им был поп Василий.

Прием четвертый.

Имя автора входило в текст предисловия или, что чаще, в послесловие. Такие приписки оставляли обычно писцы-переписчики. Некоторые приписки представляют собой очень интересные литературные миниатюры.

В тексте «Слова о полку Игореве», включая его название, присутствуют десятки имен, но они принадлежат героям поэмы, которые по разным причинам не могли быть авторами.

ДОСТОВЕРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА АВТОРСТВА — РАЗНООБРАЗНЫЕ ТАЙНОПИСИ

Особый прием проставления имени автора в древнерусских летописях выражается в применении того или иного вида тайнописи.

Академик Д.С.Лихачев сделал чрезвычайно важное наблюдение[11]. Он пишет: «Как это ни странно, но одно из самых достоверных свидетельств о принадлежности сочинения тому или иному автору извлекается из тайнописных записей. Мне не известно ни одного случая, когда бы указания тайнописи оказались неправильными. Объясняется это, как мне кажется, тем обстоятельством, что тайнописные записи делались о себе, но не о другом. Тайнописью запечатлевали свои имена по преимуществу сами авторы (поэтому-то в тайнописи и встречаются указания на русских авторов, но нет указаний на переводных авторов и очень редко — переписчиков)». Д.С. Лихачев заметил также: «Типично древнерусское явление — тайнописные записи о своем авторстве русских писателей»[12].

Итак, тайнопись — одно из самых достоверных свидетельств авторства древнерусских сочинений.

Многообразие древнерусских тайнописей

В Древней Руси существовало несколько систем тайнописи. Одна из них называлась «простая литорея». Эта система предполагает замену одних букв кириллицы на другие, взятые из того же алфавита, причем замену производят по определенному правилу. Обычно заменяли только согласные, оставляя гласные без изменений. Самым простым и распространенным был следующий ключ. Выписывали в строку подряд все согласные в количестве 10 букв. Под этой строкой составляли вторую из последующих 10 согласных, но их записывали в обратном порядке, т.е. справа налево. Получалась таблица:

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

Пользоваться такой таблицей-ключом нетрудно. Чтобы затаить какое-либо слово, нужно каждую встречающуюся в нем согласную букву заменить на соответствующую, расположенную в таблице-ключе над или под нею. Такую же замену производят и при чтении тайнописи. В качестве примера можно привести запись в Ермолинской летописи под 1463 годом, в которой рассказывается о некоем жестоком княжеском слуге, чинившем произвол (в переводе): *А прочих его чудес великое множество, невозможно ни описать, ни исчесть — потому что он во плоти есть цьяшос.* Раскрываем последнее слово, пользуясь приведенным ключом: *дьявол*. Летописец, по-видимому, монах, воспользовался тайнописью для того, чтобы даже письменно не упоминать нечистую силу.

Наиболее ранние тексты с литорейной тайнописью относятся к XII веку.

[11] *Лихачев Д.С.* Текстология. Л., 1983. С. 321.
[12] Там же.

Вольные и невольные вмешательства писцов в тайнописи

Простая литорея, кроме своего простейшего ключа, имела разнообразные усложненные ключи, подобрать которые для прочтения тайнописи было делом нелегким. Это хорошо видно при рассмотрении «Второго послания митрополита Киприана 23 июня 1378 года»[13]. Сохранилось четыре списка «Послания» — Мясниковский (начало XV в., наиболее древний) и три более поздних — Основной, Чудовский и Барсовский (они датируются концом XV — началом XVI в.). Во всех списках имеются литорейные записи. В общей сложности в «Послании» затаенных записей восемь, и ключи к ним разные. Так, только в Мясниковском и Чудовском списках простейшим ключом сделана единственная запись: *шлея мули гелкъпору*... При дешифровке проявляется: *Всея Руси честному*... В двух других списках приведена лишь ее дешифровка. В «Послании» имеются еще три записи, в которых применен тот же простейший ключ, однако в словах заменялись не все согласные, а лишь часть: ...*игумену Семчию и ичурепу Федору*... (то есть ...*игумену Сергию и игумену Федору*...). Вторая запись: ...*едипъруцмепъ л шари. Не укаисъля от шал*... (...*единомудрен с вами. Не утаилося от вас*...). И третья запись всего в одно слово: *мода* (*рода*). Ясно, что если в таком частично дешифрованном тексте произвести, согласно простейшему ключу, замену всех согласных, то вместо расшифрованного текста получится новая тайнопись. Для чтения нужен именно тот ключ, которым пользовался сочинитель тайнописи. Все эти три тайнописи содержатся только в одном, древнейшем списке, а в более поздних они либо опущены полностью или частично, либо приведены в дешифрованном виде.

В Барсовском списке «Послания» есть два отдельных слова, записанных усложненным ключом: *вобдввсни* (после раскрытия титлов — *неблагословенни*) и *пбокдати* (*прокляти*).

Наконец, в «Послании» приведены еще две тайнописные записи: *Одеюрееви мивропродиву* (*Олексееви митрополиту*) и *Дв оудушь отдумени* (*Да будут отлучени*). Заметим, что во второй из этих записей переписчик допустил несколько ошибок, написав: *дщ вудушь отдумини*. Ключ к этим двум записям настолько сложен, что ни один из четырех переписчиков не расшифровал их — они в затаенном виде сохранились во всех списках.

Как было сказано, во всех четырех списках в общей сложности насчитывается восемь разных тайнописных записей. Но ни в одном из них не сохранилось полное количество таких записей. Больше всего тайнописи осталось в древнейшем списке — шесть, в остальных — по две-четыре записи. Сколько же было тайнописных мест в исходном тексте, написанном митрополитом Киприаном,— неизвестно.

Столь подробное рассмотрение здесь литорейной тайнописи в разных списках «Второго послания митрополита Киприана 23 июня 1378 года» нужно, чтобы показать, что, во-первых, применявшиеся в тайнописи ключи разнообразны. Во-вторых, переписчики вмешивались в текст тайнописи, в большинстве случаев его дешифровывали, подчас лишь частично, а также при переписке допускали грамматические ошибки, затрудняющие понимание написанного, или вовсе отбрасывали непонятное. Со временем рукописное произведение свою тайнопись постепенно утрачивало: сказывалось усердие переписчиков.

[13] *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. М., 1978. С. 193—201.

В чем прок тайнописи?

Что же заставило митрополита Киприана прибегнуть к тайнописи? Причины, видимо, кроются в обстановке, сложившейся в те времена в правящих кругах. После кончины митрополита Алексия Киприан стремился занять высокий духовный пост в Москве. Против Киприана выступал князь Дмитрий Иванович (в будущем Дмитрий Донской). Киприан искал поддержки у игумена Троицкого монастыря Сергия Радонежского и игумена Симонова монастыря Федора, и отправитель, очевидно, учитывал, что послание могло попасть в руки князя. Во избежание неприятностей он отдельные части текста затаил. Им было сокрыто имя одного из адресатов (Сергия) и духовный сан другого (Федора). Тем, кто не владел ключами, было непонятно, какому игумену и какому Федору предназначалось послание. Разумеется, к этой тайнописи адресаты ключи имели.

Была ли применена простая литорея в «Слове о полку Игореве»? Определенно ответить на этот вопрос нельзя. Во всяком случае, в некоторых «темных» местах среди непереводимых слов поэмы на первый взгляд признаки такой тайнописи имеются. Но для ее дешифровки простейший ключ не подходит. Нужны усложненные ключи, и любознательный читатель может попытаться их отыскать.

На Руси была распространена также цифровая, или счетная, система тайнописи. Она основана на использовании определенных букв кириллицы, имеющих известное цифровое значение. Такие буквы-цифры для тайнописи преобразовывали, «раздваивая», в результате чего вместо одной буквы-цифры записывали две. Например, буква «Д» имела известное значение «4», а после «раздвоения» записывалась двумя буквами, из которых каждая была равна точно половине преобразуемой буквы. Писали рядом две буквы «ВВ», каждая из которых означала «2». Так поступали при зашифровке четных букв-цифр. Для нечетных применяли пары приближенных половинок. Например, вместо буквы «Е» (5) писали «ГВ» (т.е. 3+2). Такой цифровой тайнописью в 1307 году зашифровал свое имя писец Домид в своей знаменитой приписке к Апостолу[14]. Завершив переписывание Апостола, он на последнем листе оставил приписку, в которой была несколько измененная цитата из «Слова о полку Игореве»: *...при сихъ князехъ сеюшется и ростяше соусобицами. Гыняше жизнь наши въ князехъ которы и веци скоротишася человекомъ*. В «Слове о полку Игореве» текст имеет следующий вид: *Тогда при Олзе Гориславичи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, в княжих крамолах веци человеком сократишася.* В этой части приписки к Апостолу никакой тайнописи нет — она подтверждает подлинность «Слова» и свидетельствует, что «Слово» цитировалось в начале XIV века. Но сразу же за этой цитатой писец свое имя проставил тайнописью: а писал *ВВ.МЛ.КК.ДД.ВВ.Ъ.* Здесь он «раздвоил» буквы-цифры. Для прочтения тайнописи нужно произвести обратное действие — «удвоение», пользуясь математическими таблицами «раздвоения-удвоения», реконструкцию которых по древнерусским тайнописям осуществил Р.А. Симонов[15]. После дешифровки получаем: *...а писал Д О М И Д Ъ.* Это и есть имя писца Апостола 1307 года.

[14] Фотокопию страницы Апостола с текстом приписки см. в кн.: *Булахов М.Г.* «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке. Мн., 1989. С. 48.

[15] *Симонов Р.А.* Математическая мысль Древней Руси. М., 1977. С. 70.

Среди цифровых тайнописей древнерусского периода встречаются очень сложные, построенные с применением специальных ключей и их комбинаций. Что же касается «Слова о полку Игореве», то в нем неясных записей, которые могли бы быть приняты за цифровую тайнопись, не обнаруживается.

Есть ли надежда найти тайнопись в «Слове»?

Не обнаруживаются в «Слове» и некоторые другие системы тайнописи, например система «иных письмен», по которой для написания русского слова пользовались буквами другого алфавита (чаще применяли глаголицу, вышедшую из употребления). Не находим и тайнописи системы измененных знаков, по которой слова писались кириллицей, но с измененным начертанием букв. Нет признаков системы «условных знаков», в которой применяли вновь придуманные буквы-знаки. Не применялась и система «обратного», или «зеркального», чтения, по которой текст читали справа налево. Отсутствие в «Слове» перечисленных здесь систем тайнописи относится лишь к последнему списку «Слова», вернее, к первому печатному изданию этого списка. О наличии тайнописи в промежуточных списках «Слова» и первоначальном авторском тексте ничего определенного сказать нельзя. Если даже первоначально в «Слове» какая-то тайнопись была, то при переписке писцами она могла исчезнуть или существенно исказиться, как это случилось с разновременными списками рассмотренного выше «Второго послания митрополита Киприана 23 июня 1378 года». Некоторые «темные» места «Слова», т.е. до сих пор не переведенные или удовлетворительно не объясненные отдельные слова и целые фразы, возможно, представляют собою непрочитанную тайнопись.

Тайнописные акростихи-краестрочия

Мы не говорили еще об одной древнерусской системе тайнописи — об акростихе. Эта система, более древняя по сравнению с рассмотренными выше, встречается значительно чаще и отличается большим разнообразием. Можно сказать, что у древнерусских книжников акростихи были излюбленным видом тайнописи. Обычно акростихи были именными. В.И. Даль называл акростих иместишием.

Название этой тайнописной системы — акростих (от греч. *ακρον* — край и *στιχοζ* — строка) имело на Руси множество синонимов. Максим Грек, приехавший на Русь в XVI веке, писал: *Сицево же замышление наречется у нас акростихисъ, а по вашему* (т.е. по-русски) — *началострочие, или началограние, или краеграние*. Кроме названных Максимом Греком синонимов, на Руси были в употреблении также акростихиада, краестрочие, первобуквие и др. Как мы увидим ниже, некоторые синонимы отражали особую специфику техники тайнописной записи. М. Фасмер писал, что синонимы акростиха с корнем *грано* применялись только к церковнославянским текстам.

На слух акростихи не воспринимаются. Чтобы их обнаружить, нужно написанное читать. Читающий либо заранее знает о существовании в тексте тайнописи, либо ее обнаруживает самостоятельно. Ясно, что для раскрытия

тайнописи нужно знать ее ключ, т.е. правило, следуя которому составитель сделал свою запись.

Примером акростиха может служить стихотворение «Загадка акростишная» русского поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого (1752—1829):

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им;
Утехой в бедствии всего бываю боле;
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна;
А меж злодеями — не быть я создана.

Если прочитать первые буквы строк сверху вниз, то получится затаенное слово дружба. Акростих такого построения называется классическим, или «правильным». Такие акростихи получили широкое распространение в XVII веке в связи с появлением в русской поэзии силлабического стиха, т.е. стиха современного вида. Так, поэт и музыкант дьякон Иоанникий Коренев в стихах «Глагол к читателю» оставил подробную собственную роспись акростихом: *Диакон Иоанникий Тимофеев сын Коренев*. Его сподвижник, поэт, музыкант, составитель руководства по переложению крюковой записи музыки на ноты, монах Тихон Макариевский в «Стихах к хотящему пети» расписался акростихом: *Трудился о сем монах Тихон Макариевский*. Монах Герман в одно из своих стихотворений включил акростишную запись: *Герман сие написа*. Старец Чудовского монастыря, переводчик и ученый, в приложении к переводу Симеона Солунского записал акростихом молитву, в которой затаил свое имя: *Ефимиос*. Именные акростихи писали Карион Истомин, Димитрий Ростовский, Петр Попов, Аверкий, Аввакум, справщик Савватий и многие другие.

Посредством акростихов-краестиший велась также тайная деловая и личная переписка. Любопытна переписка старцев Илариона и Феоктиста. Иларион в своем длиннейшем стихотворении первыми буквами строк выразил просьбу: *Старец господар Феоктист, даи ми книгу списат*. Феоктист в ответ сочинил еще более длинное стихотворение, в котором таким же приемом составил ответ: *Старец господар Иларион, потруженная тобою любезне восприях и противу твоего, аще и не тако, но обаче, восписах ти вся, но ты же мя в том проси, никому не возвести.*

И если из-за отсутствия традиции силлабического стиха «правильный» акростих до XVII века на Руси не имел распространения, то его разновидности встречаются во множестве начиная с XII века, а по некоторым данным — с XI века[16].

Азбучный акростих — древнейший на Руси

Одна из разновидностей акростиха — азбучный акростих. В таком стихотворении первая строка начиналась с первой буквы кириллического алфавита А (*азъ*), вторая — со второй и т.д. Замечательно, что едва ли не первым стихотворением, ставшим известным на Руси, был азбучный акростих. Это азбучная молитва, со-

---

[16] *Истрин В.А.* Акростих // Краткая литературная энциклопедия. М.-Л., 1935; *Былинин В.К.* Русские акростихи старшей поры (до XVII в.) // Русское стихосложение. М., 1985. С 209; *Сперанский М.Е.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929; *Лавровский П.А.* Старорусское тайнописание // Труды Московского археологического общества. М., 1870. Т. 3. Вып. 1. С. 29.

чиненная Константином Переславским и помещенная в предисловии к «Учительному Евангелию» 894 года. До нашего времени дошло 40 рукописных списков молитвы, многие из которых выглядят как самостоятельные произведения. Древнейший из сохранившихся русских списков относится к XII веку и является современником «Слова о полку Игореве». Ниже приведено начало азбучной молитвы, переведенной на современный язык филологом В.Я. Дерягиным:

Аз, буки, азбука — этим словом молюсь я Богу:
Боже, всех тварей Создатель,
Видимых и невидимых!
Господа, духа после живущего,
Да вдохнет мне в сердце Слово!
Его же Слово будет спасением всем,
Живущим в заповедях Твоих.
Засветил светильник жизни,
Закон Твой — свет пути моего.
И уже ищет Евангельского слова
И просит дары Тебя принять, летит к тебе славянское племя.
(И так далее — до конца алфавита)

Азбучные молитвы на Руси сочинялись неоднократно. Но азбучные акростихи были и светского содержания. Замечательно, что азбучный акростих в виде алфавита с краткими изречениями помещен в одну из самых первых в России печатных светских книг, издаваемых массовым тиражом,— «Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем...». Издатель букваря — В.Ф. Бурцов. Книга была напечатана в Москве в 1634 году. Азбучные стихи помимо познавательного, эстетического и нравоучительного значения способствовали обучению грамоте, поскольку в контексте стихотворения легче выучить алфавит, и наоборот, зная алфавит, легче вспомнить очередную строку стихотворения.

«Неправильные» акростихи писались без правил

Среди акростихов отдельную группу составляют так называемые «неправильные» акростихи. Такое название они получили потому, что записывались не только первыми буквами строк, но и двумя и более буквами, начинающими строки, и даже первыми слогами и словами строк. Ясно, что такая свобода действий существенно облегчала сочинителю составление весьма пространных тайнописных записей. Но вместе с тем такой произвольный подбор делает невозможным найти какую-то закономерность в чередовании читаемых букв, слогов и слов. Случайность чередования этих элементов исключает возможность правильно составить универсальный ключ. Иными словами, для каждой конкретной записи читающий должен иметь тот ключ, которым эта запись составлялась. Если же в рукописи все нужное для прочтения выделить другим шрифтом или цветом или еще каким-либо приемом, то такую запись без труда прочтет и непосвященный читатель, т.е. акростих перестанет быть тайной.

«Неправильные» акростихи получили большое распространение главным образом благодаря незаурядным способностям Пахомия Логофета, жившего в XV веке. Он владел всеми узкими специальностями книжника: он и писатель,

и редактор, и переписчик. Ему принадлежат многие именные акростихи. Так, в тропарях «Канонов Стефану Пермскому» Пахомий Логофет писал: *Повелением владыки Филофея епископа — рукою многогрешнаго и непотребного раба Пахомия Сербина.* В тропарях «Службы Антонию Печерскому» он записал: *Повелением святейшего архиепископа Великаго Новаграда Владыки Ионы благодарное сие пние принесеся Антонию Печерскому рукою многогрешнаго Пахомия, иже от Святые Горы.* В приписке к «Апостолу» Пахомий Логофет оставил еще один свой именной акростих: *Монах Пахомио*.

Встречаются именные акростихи, в которых имя и словесный штамп, в который оно включено, даны аббревиатурой, т.е. условным сокращением, при котором от каждого слова берется первая буква. Так, в записи: *Сию книгу писа а г р б в д* обычно видят такой вариант прочтения: *Сию книгу писа азъ грешныи раб Божии Владиславъ* (правда, иногда допускают, что личное имя писавшего может быть иным). Такая разновидность акростишной тайнописи может быть названа первобуквием.

«Правильные» акростихи красивы

Интересное первобуквие применил упомянутый ранее Домид, переписчик Псковского «Апостола» 1307 года. Записав свое имя цифровой системой (*ВВ.МЛ.КК.ДД.ВВ.Ъ*), он сразу же предложил для проверки правильности прочтения тайнопись другой системы: ...*рекше: двдъ, органъ, мысль, истина*... (последнее слово из-за порчи листа рукописи не читается. Эта пояснительная, или проверочная, запись состоит из случайно подобранных, не связанных по смыслу слов. Если читать только первые буквы, то получится то же имя, которое мы видели в цифровой записи: *Домид*. Расположив эти случайно подобранные слова столбцом, получим акростих-первобуквие «правильного» вида:

Двдъ.
Органъ.
Мысль.
Истина...
Д...

Известны акростихи-первобуквия и «неправильного» вида. Так, Иоанн Величковский (XVII в.) составил различные тайнописи с именем Девы Марии. Одна из записей умещается на шести строках:

МАти блага,
РИза драга-
Я же нас крыет,
МАлодушных,
РИзо нужны,
Якъ руно греет.

Здесь выделенные буквы или слога в строках читают сверху вниз. Поскольку первая буква третьей строки (*Я*) является не началом, а окончанием слова (*драга/я*), то эту разновидность акростиха точнее называть не первобуквием, а началострочием (или краестрочием) — это еще один синоним термина «акростих».

Иоанну Величковскому принадлежит интересный акростих тоже «неправильного» вида. Написанный в строку, такой акростих воспринимается с трудом, несмотря на то, что все предназначенное для прочтения выделено заглавными буквами: *МногАя Из неСУщих Созда сей твоРенИЯ даДЕ ми ХеРуИмСкую ТОму пеСнь хВАления*.

Здесь записаны два имени: *Дева Мария* (подчеркнуто одной чертой) и *Исус Христос* (подчеркнуто двумя чертами). Но если фразу Дева Мария записать акростихом, то получится изящное построение:

Мног-
Ая Из неСУщих Созда сей тво-
Рен-
ИЯ да-
ДЕ ми ХеРуИмСкую ТОму пеСнь х-
ВАления.

В этот затаенный текст с первых трех строк включено по одной букве, а с трех последних — по две. Четкость построения видна еще и в том, что второе имя усиливает симметрию: *Исус* читается во второй строке сверху, а *Христос* — во второй снизу. Поскольку в этой тайнописи, как и в предыдущем примере, строки начинаются не превыми буквами слов или первыми слогами слов, но и с середины слов при их переносе со строки на строку, то такую тайнопись также следует называть началострочием (или краестрочием) «неправильного» вида.

Известна еще одна разновидность акростиха, в которой последовательно читаются буквы, разделенные участками текста. Например, Константин Костянский (XV в.) затаил надпись со своим посвящением так, что она читается по первым буквам, с которых начинаются названия глав его трактата. Эта надпись гласит: *Саможержавному деспоту Стефану — раб Константин*.

Известны многочисленные варианты тех или иных разновидностей акростихов. Так, чаще всего записи проявляются при чтении снизу вверх.

Встречаются акростихи, в которых к обычной вертикальной записи добавляется целое слово или даже вся горизонтальная (верхняя или нижняя) строка, написанная открытым текстом,— это угловые акростихи.

Архитектоника древних текстов

Акростих в древнерусских письменных источниках представляет собой наиболее распространенную и разнообразную по вариантам систему тайнописи. Все это дает основание попытаться обнаружить ее в тексте «Слова о полку Игореве». Ясно, что поиск можно предпринять только при наличии рукописи списка или воссозданного текста. Список «Слова» исчез в 1812 году. Остается надежда воссоздать его текст в первозданной структуре. Успех поиска будет определяться степенью точности воссоздания структуры текста.

Со списком «Слова» ознакомились около 20 «самовидцев» — крупных деятелей российской культуры. Среди них Н.М. Карамзин, И.Н. Болтин, И.П. Елагин, А.Н. Оленин, Я.И. Булгаков, А.С. Строганов. Но никто из них не оставил научного описания вида рукописного списка. Сохранилось лишь единственное опи-

сание списка, сделанное в 1813 году А.И. Мусиным-Пушкиным в письме историку, этнографу и языковеду К.Ф. Калайдовичу. Мусин-Пушкин писал: «Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки...» К этому описанию можно добавить, что список был написан полууставом. Разумеется, всех этих сведений недостаточно для воссоздания структуры текста.

В этом деле может оказаться полезным следующее. В науке о «Слове» давно обсуждается гипотеза о перепутанных листах рукописного списка: некоторые исследователи полагают, что отдельные листы обветшавшей рукописи выпали из нее и затем были вложены в рукопись не на свои места. Из-за этой невольной перестановки листов в первом печатном издании обнаруживаются определенные повторы, между которыми виден инородный текст. Чтобы восстановить исходную структуру текста, ученые выявили эти участки — их оказалось четыре-пять. Далее произвели необходимые расчеты, чтобы воссоздать записи на каждой странице перепутанных листов. Для нас важны расчеты количества букв в каждой строке. По расчетам А.И. Соболевского (1902 г.), на одну строку приходилось в среднем по 15—17 букв. По расчетам М.В. Щепкиной (1955 г.), на одной строке помещалось букв ровно вдвое больше, чем у Соболевского,— в среднем от 28 до 34. Кстати, в Екатерининской копии, сделанной до выхода в свет первого печатного издания, строки в среднем содержат 28—34 буквы, причем на листах оставлены широкие поля не только слева, но и справа. Видимо, копию писали буква в букву с оригинала.

У книжников было обычным писать слова слитно, не отделяя одно от другого, хотя иногда слова писались и раздельно. Такая чересполосица встречается подчас даже в одной и той же рукописи и даже на одной и той же странице. Если рукопись написана несколькими писцами, то можно заметить, что один писец предпочитал писать слова слитно, другой же — раздельно. Предлоги обычно писались слитно с последующим словом. Причем если предлог оканчивался на ъ, например *къ* или *въ*, то при слитном написании этот знак опускался.

На абзацы в современном понимании текст не разбивался. Но большие разделы сочинения начинались с красной строки, написанной киноварью; весь основной текст писался черными или коричневыми чернилами. Начальная буква, или буквица, или инициал, рисовалась живописцем и представляла собой своеобразную миниатюру.

В орнамент буквицы обычно вплетали изображения людей, например гудочника, фантастических животных или растений. Буквицы занимали в левой части листа по нескольку строк. Был еще один прием членения текста на крупные разделы: текстовые концовки писцы изображали в виде воронок, образованных укорачивающимися строками. «Воронки» оканчивались в середине последней строки текста последней буквой последнего слова или точкой. Такое письмо называлось «украсным». Обычный же лист рукописи разлиновывали так, чтобы строки получались ровными и число строк на каждом листе было одинаковым. Такой

лист заполняли полностью. Оставлялись лишь поля по всем четырем сторонам; их называли берегами: они оберегали написанное от разрушения, которому края пергамента или бумаги подвергаются при длительном хранении. Разрушались края от действия кислорода воздуха и влажности, а также от случайных ударов и при перелистывании.

Нередко в рукописях встречаются однобуквенные переносы и переносы немотивированные. Такие переносы находим, например, в отрывке из «Сказания о Мамаевом побоище» (лицевая рукопись XVII века из собрания Государственного Исторического музея):

рожане ивсилюдиечерны (20)[17]
е.встретиша велико (16)
гокнязя дмитрея и (14)
вановича московского (19)

В этом отрывке перенос с первой на вторую строку последней буквы *е* вполне оправдан — строка длинная, хотя можно было бы перенести и две-три буквы. Вторая же строка короче предыдущей: в ней 16 букв, но с нее перенесены две последние буквы слова *великого*. Третья строка короче других — 14 букв, но заканчивает ее одна-единственная буква *и*, начинающая слово *и/вановича*. При осмотре рукописи ясно видно, что одни строки не заполнены, а другие переполнены.

Количество букв в строках рукописей не всегда было одинаковым. Причин тому несколько. Это и различная ширина букв — широкие трехмачтовые, например *ш*, узкие одномачтовые, например *і* десятиричное, и средней ширины, например *о*. Это и почерк книжника. Это и надобность «разгонять» или, наоборот, «сжимать» текст. И если левый край текста на странице был всегда ровным, то правый не всегда получался аккуратным. На некоторых листах рукописей можно видеть строки, явно отличающиеся от средней длины. Отличия заключаются не только в неровностях, заметных глазу, но и в числе букв на строках. Пример рукописного текста с неровным краем — отрывок из знаменитой приписки писца Домида к «Апостолу». Она интересна тем, что сделана собственноручно автором в 1307 году и позже не переписывалась другими писцами, которые могли бы исказить ее графику. Домид писал:

...сегожелетбыс
боинаруськоиземлими (19)
хаилъсъюриемъокня (17)
женьеновгородьскоепри (21)
сихъкнязехъсеюшется (19)
ипостяшеоусобицамъ (18)
гыняшежизньнаши (15)
възкнязехъкоторыиве (18)
цискоротишасячлвкомъ (20)

Итак, в самом простом случае летописный текст, написанный полууставом кириллицей, заполняет лист, причем левый край благодаря разлиновке получается ровным, а правый — неровным: одни строки короче других, в разных строках разное количество букв, и неровность правого края не всегда устраняется широ-

[17] В скобках здесь и далее указано количество букв в строке.

кими возможностями переноса частей слов со строки на строку. Неровный правый край оставляли как сами авторы-книжники, так и писцы-переписчики при изготовлении своих списков-копий.

Как выглядел древний текст «Слова»?

Вернемся к рукописи «Слова о полку Игореве». Чтобы воссоздать первоначальную структуру текста поэмы на листе бумаги, нужно иметь в виду, во-первых, приведенное выше описание рукописи, данное Мусиным-Пушкиным в письме к Калайдовичу, и, во-вторых, расчеты длин строк, проделанные исследователями А.И. Соболевским и М.В. Щепкиной. Разумеется, нужно иметь в виду показанные выше варианты акростишной тайнописи, встречавшиеся в древнерусских письменных источниках.

Следует подчеркнуть также, что древнерусские тексты писались «сплошняком», без разделения на смысловые единицы — слова.

В поисках акростиха можно ожидать запись, сделанную по правилам краестрочия, т.е. запись может заключаться в первых буквах ряда последовательных строк. Это наиболее простой вариант «правильной» акростишной тайнописи. Вообще говоря, предстоит решить задачу, зная ее ответ. Мы предполагаем, что имя возможного автора поэмы — Мария. Нужно в огромной массе слов и букв найти записанное по каким-то системам тайнописи это имя. Это — направленный поиск.

Отправная точка воссоздания структуры текста

Главная проблема поиска тайнописи в «Слове» заключается в том, чтобы найти отправную точку записи. Думается, что гениальный автор поэмы нашел тот прием, с помощью которого он затаил свое имя. Разумеется, это был нестандартный, нетривиальный прием. Секрет отправной точки, думается, заключается в самом имени автора, вернее, в его инициале. Имя Мария начинается с буквы *М*. Эта буква в кириллице носит название *мыслете* (или *мыслите*). В «Слове о полку Игореве» встречается несколько слов с корнем *мысль*, причем некоторые из этих слов не вполне понятны, например, *мыслену древу*. Было бы интересно проверить возможность воссоздания структуры древнего текста с краестрочной записью имени Мария, начиная построение структуры текста с буквы *М*, принадлежавшей словам с корнем *мысль*.

Прежде всего подумаем, в каком месте поэмы ее автор мог записать свое имя. Наиболее вероятным местом представляется начало поэмы: здесь автор заявляет о себе, сопоставляя свою авторскую манеру с манерой древнего певца Бояна.

Для решения задачи нужно воссоздать структуру текста таким образом, чтобы начальные буквы строк при чтении сверху вниз образовали искомое имя.

Начнем с первой буквы имени, с ее инициала, с буквы *М*. В зачине поэмы, на странице 6, 8-я строка снизу[18], находим слово с корнем мысль: *мыслену* — Боян

[18] Здесь и далее нумерация по первому изданию «Слова» (1800 г.).

скакал по *мыслену древу*. Похоже, это наводящий каламбур, один из тех, которые иногда применялись в тайнописи. Обнаружив такой наводящий признак, наблюдательный читатель мог разгадать затаенное.

С этой отправной точки — буквы *М* — начнем первую строку. Вторая строка должна начаться с буквы *а*, третья — с *р*, четвертая — с *и*, пятая — с *я*. Ожидаемое слово сложится в том случае, если строки будут иметь приблизительно одинаковое количество букв. Приняв расчеты М.В. Щепкиной, полагавшей, что в среднем на строках было по 28—34 буквы, начнем построение строк. Прежде всего напишем вертикально имя *Мария*. Далее от каждой начальной буквы заполним соответствующие строки последовательным текстом, имея в виду надобность по возможности составлять равные по числу букв строки.

Первая строка, начинаясь с буквы *М*, заканчивается перед буквой *а*, с которой начинается вторая строка. В нашем тексте *а* встречается в середине слова *облакы* — это 30-я буква от начала записи. Первая строка, таким образом, приобретает следующий вид:

м*ысленудревулетаяумомъподъобл*

Вторая строка, начинаясь с *а*, оканчивается перед *р* в слове *рища*. Строка имеет 32 буквы:

а*кысвиваяславыобаполысеговремени*

Третья строка, начинаясь с *р*, оканчивается перед *и* в слове *пет/и*,— случай распространенного однобуквенного переноса. Протяженность строки — 35 букв:

р*ищавътропутроянючресъполянагорыпет*

Четвертая строка, начинаясь с *и*, оканчивается перед *я* в слове *бур/я*. Строка имеет 34 буквы:

и*былопесьигоревитогоолгавнукунебур*

И, наконец, пятая строка, начинаясь с *я*, имеет среднюю протяженность для всего отрывка — 33 буквы:

я*соколызанесечрезъполяширокаягали*

Из воссозданного отрывка текста видно, что количество букв в разных строках колеблется от 29 до 35, в среднем — 32,6. Эти значения согласуются с расчетами М.В. Щепкиной и практически не отличаются от колебаний количества букв в разных строках во многих рукописях, написанных полууставом кириллицей. Таким образом, в зачине поэмы, там, где автор сопоставляет свою творческую манеру с манерой Бояна, читается краестрочная запись *Мария*.

Страница 6, 8-я строка снизу:

М*ЫСЛЕНУдревулетаяумомъподъобл*	(29)		(−3,6) [19]
а*кысвиваяславыобаполысеговремени*	(32)		(−0,6)
р*ищавътропутроянючресъполянагорыпет*	(35)		(+2,4)
и*былспесьигоревитогоолгавнукунебур*	(34)		(+1,4)
я*соколызанесечрезъполяширокаягали*	(33)	[32,6]	(+0,4)

[19] Здесь и далее в левой колонке — количество букв в строке в квадратных скобках — среднее арифметическое количество букв для данного массива строк; в правой колонке — отклонения от среднего арифметического.

ЕДИНЫЙ КЛЮЧ
ДЛЯ ПРОЧТЕНИЯ ВСЕХ ЗАПИСЕЙ В «СЛОВЕ»

Однако наличие единичной записи имени еще не доказывает, что оно принадлежит автору произведения. Прежде всего, нужно убедиться, что прочитанная запись — не случайное, хотя и маловероятное, сочетание букв на краях строк, давшее желаемое слово. Нужно проверить, воссоздается ли имя *Мария* от других слов с тем же корнем *мысль*, встречающихся в разных местах поэмы. Иными словами, повторится ли применение того же ключа.

Повторное применение того же ключа дало прочтение этого имени еще в четырех местах поэмы. Отправной точкой воссоздания структуры текста была такая же буква *м* в словах с корнем *мысль*.

Страница 20, 10-я строка сверху:

М*ЫСЛИЮсмыслитинидумоюсдуматиниочим*	(34)		(+0,8)
а*съглядатиазлатаисребранималотогопот*	(36)		(+2,8)
р*епатиавъстонабобратиекиевътугоюачерн*	(37)		(+3,4)
и*говънапастьмитоскаразлис*	(26)		(−7,2)
я*порускойземлипечальжирнатечесред*	(33)	[33,2]	(−0,2)

Страница 28, 40-я строка сверху:

М*ЫСЛИЮтипрелететииздалечаотнязлат*	(33)		(+1,4)
а*столапоблюститыбоможешиволгувеслы*	(34)		(+2,4)
р*аскропитиадонъшеломывыльят*	(27)		(−4,6)
и*ажебытыбылътобылабычагапоногате*	(32)		(+0,4)
я*кощейпорезанетыбоможешипосухужи*	(32)	[31,6]	(+0,4)

Страница 31, 2-я строка сверху:

М*ЫСЛЬноситьвасъумънаделовысокопл*	(32)		(−2,4)
а*ваешинаделовъбуестиякосоколънавет*	(34)		(−0,4)
р*ехъширяясяхотяптицювъбуйствеодолет*	(35)		(+0,6)
и*сутьбоуваюжелезныипапорзиподъшеломыл*	(37)		(+2,6)
а*тинскимитемитреснуземляимногистра*	(34)	[34,4]	(−0,4)

Страница 40, 4-я строка сверху:

М*ЫСЛИЮполямеритъотъвеликагодонудом*	(34)		(+1,4)
а*лагодонцакомоньвъполуночиовлу*	(30)		(−2,6)
р*ъсвиснузарекоювелитькнязюразумет*	(33)		(+0,4)
и*князюигорюнебытькликнустукнуземл*	(33)		(+0,4)
я*въшуметрававежисяполовецкиiподви*	(33)	[32,6]	(+0,4)

Целая фраза

Наличие пяти записей имени, сделанных в одном ключе, все еще не свидетельствует однозначно о том, что оно принадлежит автору. Нельзя исключить, что Мария — это имя возлюбленной писавшего, или что он обращался с молитвой к Деве Марии — такие примеры в рукописях есть. Но если это имя автора

произведения, то оно должно, согласно традиции, входить в некую многословную формулу.

Такая словесная формула в тексте поэмы воссоздается в виде фразы, из которой видно, что Мария занималась писанием: *Сие писа Мария*. Эта фраза начинается на странице 6, 1-я строка сверху, с буквы *с* слова *спала* (имя *Мария*, расшифрованное в первом примере, входит составной частью в нашу фразу).

Страница 6, 1-я строка сверху:

с*палакнязюумъпохотиижалостьемузнамен*	(36)		(+3,0)
и*езаступиискуситидонувеликагохощубор*	(36)		(+3,0)
е*чекопиеприломитиконецьполя*	(27)	[33,0]	(−5,0)
п*оловецкагосъвамирусицихощуглавусвоюпр*	(38)		(+5,5)
и*ложитиалюбоиспитишеломомъдонубояне*	(36)		(+3,5)
с*оловиюстараговремениабытиси*	(28)		(−4,5)
а*плъкыущекоталъскачаславиюпо*	(28)	[32,5]	(−4,5)
м*ысленудревулетаяумомъподъобл*	(29)		(−3,6)
а*кысвиваяславыобаполысеговремени*	(32)		(−0,6)
р*ищавътропутроянючресъполянагорыпет*	(35)		(+2,4)
и*былопесьигоревитогоолгавнукунебур*	(34)		(+1,4)
я*соколызанесечрезъполяширокаягали*	(33)	[32,6]	(+0,4)

В полоцком разделе поэмы — об авторе

Однако и наличие целой фразы, наряду с четырьмя отдельно стоящими именами *Мария*, также представляется все же недостаточным для решительного утверждения авторства за Марией. Нельзя исключить, что Мария была лишь переписчицей с какого-то ветхого экземпляра, искусно вплетшей в словесную ткань поэмы свое имя. Чтобы подтвердить авторство Марии, нужны дополнительные доказательства.

Мария Васильковна, как уже говорилось, была родом из Полоцкой земли. В поэме большое место уделено полоцкой теме — упоминаются Всеслав Полоцкий, братья Марии Изяслав и Брячислав... Но в поисках тайнописи в полоцком разделе поэмы отправной точки (буквы *м* слова с корнем *мысль*) мы не находим. Нужно исходить из других ассоциаций. В полоцком разделе сильно выражены родственные отношения. Подробно рассказано о злоключениях хорошо известного по летописям Всеслава. Братья Изяслав и Брячислав не были сколько-нибудь заметными фигурами в полоцкой истории, однако и им автор уделяет много места. Изяслав назван уважительно, по имени-отчеству: видимо, он был старшим братом. Пронзительно-скорбно написано о погибших недавно князьях. Так могла потрясенная женщина написать о своих горячо любимых братьях.

Думается, что именно в этом разделе поэмы Мария с наибольшей вероятностью заявит о своих родственных отношениях с героями-полочанами.

Из всех испытанных на тайнопись подходов положительный результат дала версия: Мария — сестра Брячислава. Был применен прием углового акростиха, при котором одна часть текста расположена по вертикали краестрочным образом, а другая часть — по горизонтали, открытым текстом. Открытым текстом записаны имена *Брячислав* и *Всеволод*. Этот Всеволод в летописях не значится бра-

том Изяслава и Брячислава (он «другой», хотя, возможно, он и был их братом, но не попал в летописи из-за своей незначительности для истории).

От строки с этим текстом воссоздается фраза: *Сие писа сестра*. Отправная точка в построении — буква *с* в названии реки *Сула*.

Страница 33, 10-я строка сверху:

с*уланетечетъсребренымиструям*	(28)		(+0,6)
и*къградупереславлюидивинаболотомът*	(34)		(+4,6)
е*четъонымъгрознымъполочаномъ*	(28)	[30,0]	(+0,6)
п*одъкликомъпоганыхъединъже*	(26)		(−3,4)
и*зяславъсынъвасильковъпозвонисвоимио*	(36)		(+6,6)
с*трымимечиошеломылитовскияпритреп*	(33)		(+3,6)
а*славудедусвоемувсеславуа*	(25)	[30,0]	(−4,4)
с*амъподъчръленымищитынакровав*	(29)		(−0,4)
е*травепритрепанълитовскымимечии*	(31)		(+1,6)
с*хотиюнакроватьирекъдружину*	(27)		(−2,4)
т*воюкняжептицькрилыприодеазве*	(29)		(−0,4)
р*икровьполизашанебысьтубрат*	(27)		(−2,4)
абрячиславанидругаговсеволода	(29)	[28,7]	(−0,4)
		[29,6]	

Итак, весь монолит дает угловое краестрочие: *Сие писа сестра / Брячислава ни другаго Всеволода* (первая половина — тайнописью, вторая — открытым текстом). Как видно, среднее количество букв в строках этого массива такое же, как во всех воссозданных краестрочиях поэмы.

Вероятности, вероятности...

Может возникнуть впечатление, что буквы, из которых слагается имя *Мария*, в тексте поэмы встречаются настолько часто, что их без особого труда легко сыскать, выстраивая заказанную краестрочную запись.

Однако посчитаем, насколько часто встречаются эти буквы. Из 1433 букв, составляющих массив вместе взятых наших отрывков, половина представлена всего лишь семью наиболее часто встречающимися буквами: *о*, *и*, *а*, *е*, *л*, *с*, *т*. Среди них лишь две входят в имя *Мария*. Остальные же многочисленные буквы алфавита составляют вторую половину массива: они встречаются редко или относительно редко. Среди таких букв в имя входят *р*, *м*, *я*.

В рассмотренных отрывках интересующие нас буквы распределены далеко не равномерно, а это, наряду с нечастой встречаемостью отдельных букв, уменьшает вероятность случайного характера формирования краестрочных записей данного имени. Добавим также, что от слов с другими корнями, начинающихся с буквы *м*, имя *Мария* в краестрочной тайнописи не воссоздается.

Почему авторы скрывали свои имена?

Почему же Мария затаила свое имя? Приблизиться к правильному ответу на этот вопрос, наверное, можно, разобравшись в причинах, по которым на Руси авторы скрывали свои имена.

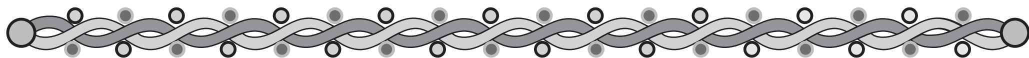
Одной из причин в какой-то мере была традиция оставлять анонимными свои письменные произведения. Однако эта традиция не была слишком распространенной. Имена авторов многих произведений известны. В наше время научная текстология и литературоведение открывают все новые и новые имена. Изучение тайнописи — один из плодотворных путей исследований. Нет сомнения, что количество известных нам имен древнерусских авторов будет увеличиваться.

Другой причиной сокрытия имени была авторская скромность. Автор считал неудобным для себя объявлять свое имя широкой публике. Вместе с тем авторское тщеславие толкало его запечатлеть свое имя, но так, чтобы оно могло быть обнаружено только лицами узкого круга. Автор выбирал тот или иной вид тайнописи и записывал свое имя, пользуясь определенным шифровальным ключом. Читатель, также владевший ключом, узнавал имя.

Можно ли считать, что Мария затаила свое имя из авторской скромности? Не исключено. Однако об этой черте характера Марии достоверно ничего не известно.

Причиной сокрытия имени в ряде случаев было опасение автора подвергнуться репрессиям со стороны недоброжелателей. В данном случае эта причина маловероятна. Вероятнее другое. Как известно, женщины в средневековой Руси особым авторитетом не пользовались, и Мария тоже это знала.

Таким образом, обнаруженная в «Слове о полку Игореве» тайнопись в виде краестрочных записей имени *Мария*, повторенных четыре раза, и двух фраз: *Сие писа Мария* и *Сие писа сестра / Брячислава ни другаго Всеволода* служит прямым доказательством того, что автором поэмы была Полоцкая княжна Мария Васильковна, жена великого князя Киевского Святослава Всеволодича.



Н.С. Серегина

МАРИЯ ВАСИЛЬКОВНА, СЕСТРА ИЗЯСЛАВА, И «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Наталья Семеновна Серегина, ведущий научный сотрудник института истории искусств, доктор искусствоведения

В наш век авторского и личностного сознания имя Автора гениального «Слова о полку Игореве» нам очень хочется узнать, открыть, вычислить. Оставим в стороне домыслы о позднем происхождении «Слова»: оно само опровергает их. Еще Н.М. Карамзин считал автора «великим поэтом»[1]. А.С. Пушкин называл создателя «Слова» «песнотворцем», «неизвестным творцом», «поэтом». Для Пушкина вопрос об авторе «Слова» был одновременно ответом «некоторым писателям», которые «усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии»[2]. Вопрос об имени Автора «Слова» вызывает множество гипотез. Их обзор был сделан в специальной статье Л.А. Дмитриева для пятитомной энциклопедии «Слова», вышедшей в 1995 г. После этого появились новые исследования и предположения о других именах автора «Слова»[3]. Поиски Автора дают порой неожиданные результаты, при всей, казалось бы, безнадежности достоверного решения этой темы, и, как минимум, расширяют круг познания нами той эпохи. Данный очерк представляет собой попытку решения хотя бы второй задачи...

Исследователи пытаются выяснить принадлежность Автора к тому или иному классу, сословию Древней Руси. Предполагается, что он мог быть

---

[1] *Дмитриев Л.А.* Карамзин // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т.3. СПб., 1995. С. 14.

[2] *Пушкин А.С.* Полное собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М., 1962. С. 422.

[3] *Карпов В.Д.* Герои «Слова о полку Игореве» и его автор. Симферополь, 1994; *Брызгалин Г.И.* Чудесной тайны ключ. Волгоград, 1994; *Струмила А.* Еще раз о «Слове о полку Игореве». М., 1995; *Спицын В.И.* «Слово о полку Игореве» — откровение Игоря. Новосибирск, 1997; *Буйначев В.П.* Новое прочтение «Слова о полку Игореве»: автор известен. М., 1998; *Шкляревский И.* Загадки и тайны «Слова о полку Игореве». М., 1998; *Ткаченко П.* В поисках града Тмутараканя. М., 2000; *Чивилихин В.* Князь Игорь — автор «Слова о полку Игореве». М., 2000.

князем, воином, бояриным, мирянином, книжником, летописцем, княжеским песнотворцем, князем, приближенным князя Святослава. Высказывались предположения и об имени его — летописец Петр Бориславич, песнотворец Ходына (он или она), Ольстин Олексич Прохоров[4], сам князь Игорь, его шурин Владимир Ярославич Галицкий, сын Святослава Владимир, сам Святослав и другие[5]. Д.С. Лихачев говорил о высоком социальном статусе автора и близости его к киевскому князю Святославу — самому высокопоставленному персонажу «Слова», а также о двух княжеских певцах, исполнявших его «дуэтом», поочередно[6].

А.В. Соловьев «заподозрил» в авторе близость к полоцким князьям: «Певец упоминает братьев Брячислава и Всеволода. Любопытно, что он знает больше, чем летопись, в которой сведения о полоцких князьях весьма отрывочны. Летопись не упоминает Изяслава Васильковича, вероятно, это был самый младший из братьев... певец вспоминает двух братьев его (и великой княгини) — Брячислава и Всеволода». Соловьев объяснил интерес автора «Слова» к Всеславу тем, что Святослав Всеволодич был женат на правнучке Всеслава[7], Полоцкой княжне Марии Васильковне[8].

Одна из версий об авторе «Слова» принадлежит Г.В. Сумарукову, опубликовавшему в 1988 году тезисы доклада «Мария Васильковна, жена Святослава Киевского — возможный автор "Слова о полку Игореве"»[9]. В «Слове», как предположил Сумаруков, автор зашифровывает свое имя «Мария» в нескольких акростихах и через упоминание своих братьев. Сумаруков считает, что автор «Слова» — женщина, определяемая им как «Ходына Святославля», т.е. супруга Святослава. После выхода энциклопедии «Слова о полку Игореве», содержащей отсылку к этому докладу, Сумаруков опубликовал отдельное исследование, где привел сконструированные им «неправильные» (по его определению) акростихи с именем «Мария»[10].

Заметим впрочем, что гипотеза Сумарукова не абсолютно нова: по ряду признаков (тема Полоцка в «Слове»; ряд нюансов сюжета, свидетельствующих о том, что автор близок кругу князя Святослава) Мария уже была в круге внимания исследователей как возможный информатор автора «Слова о полку Игореве», ей даже посвящена отдельная статья в энциклопедии «Слова о полку Игореве»[11]. Основные, обладающие новизной, аргументы Сумарукова опираются на его мысль об акростихах с краегранесием «Мария», «сие писа Мария», а также углового краестрочия «Сие писа сестра / Брячислава ни другаго Всеволода»[12]. Дей-

---

[4] *Яценко Б.И.* Об авторе «Слова о полку Игореве» (проблемы поиска) // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 48. СПб., 1992. С. 37.

[5] *Махновець Л.* Про автора «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1989. С. 163—183.

[6] *Лихачев Д.С.* Каким был автор «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 29—30.

[7] *Соловьев А.В.* Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. М., 1948. Т. 25. С. 83—84.

[8] Мария Васильковна была дочерью Полоцкого князя Василька Святославича, родного брата святой Евфросинии Полоцкой. Мария родилась в 1126 или 1127 г. в Полоцке, обучалась грамоте при женском монастыре, игуменьей которого была Евфросиния Полоцкая. В 1143 г. Мария вышла замуж за Святослава Всеволодича, сына Всеволода Киевского, княжившего в Киеве в 1174, 1176, 1181—1194 гг.

[9] *Сумаруков Г.В.* Мария Васильковна, жена Святослава Киевского,— возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и сообщ. зональной конф. «"Слово о полку Игореве" на Урале». Пермь, 1988. С. 27—29.

[10] *Сумаруков Г.В.* Затаенное имя. Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997. (См. также с. 5—41 наст. изд. Далее при ссылке на эту книгу соответст. стр. наст. изд. приводятся в круглых скобках— *Примеч. ред.*)

[11] *Дмитриев Л.А.* Мария Васильковна // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т.3. С. 220.

[12] *Сумаруков Г.В.* Затаенное имя. Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997. С. 41—45. (37—40).

ствительно, сконструированные Сумаруковым акростихи читаются с достаточной наглядностью.

Проверим гипотезы Г.В. Сумарукова путем реконструкции текста XII века, поскольку для проверки акростихов необходимо максимальное приближение к первоисточнику. Стихи с краегранесием «Мария» относятся к начальной теме Бояна, плачу русских жен, двум фрагментам «Золотого слова» Святослава. Два больших краегранесия содержатся в начальном стихе о выступлении Игоря и песни Бояна о нем, и последний — о гибели князя Изяслава.

1). Жены рускія въсплакашась, аркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни **м**ыслію смыслити, ни думою сдум**а**ти, ни очима съглядати, а злата и сребр**а** нимало того потрепати!» А въстона бо, брат**і**е, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоск**а** разліяся по Рускои земли, печаль жьрна тече средь земли Рускыи.

м ыслию съмыслити ни доумою съдоум
а ти ни очима съглѧдати а злата и среб
р а нимало того потрепати. А въстона бо брат
і ѥ Киѥвъ тоугою а черниговъ напастьми тоск
а разлиꙗсѧ по Роускои земли, печаль...

2). Великии княже Всеволоде! Не **м**ыслію ти прелетѣти издалеча отня злат**а** стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы **р**аскропити, а Донъ шеломы выльят**и**. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, **а** кощеи по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы.

м ыслию ти прелетѣти издалеча отнѧ злат
а стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслъı
р аскропити, а Донъ шеломъı въıльꙗт
и Аже бъı тъı был, то бъıла бъı чага по ногатѣ
а кощеи по резанѣ. Ты бо можеши посоухоу...

3). А ты буи Романе и Мстиславе! Храбрая **м**ысль носит ваю умъ на дѣло, высоко пл**а**ваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣт**р**ехъ ширяяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣт**и**. Суть бо у ваю [вои] желѣзныи па[ворзи] подъ шеломы л**а**тинскими. Тѣмь и тресну земля...

м ысль носитъ ваю умъ на дѣло. Въıсоко пл
а вакши на дѣло въ буѥсти ꙗко соколъ на вѣт
р ехъ ширѧꙗсѧ хотѧ птицю въ буиствѣ одолѣт
и суть бо оу ваю желѣзнъıи паворзи подъ шеломъı л
а тинскими. Тѣм и тресноу землѧ и многи...

4). **С**[л]а[в]а князю умь похоти и жалость ему знамен**і**е заступи. «Искусити Дону Великаго хощу, бо,— р**е**че,— копіе приломити конець поля **п**оловецкаго — съ вами, Русици! Хощу главу свою пр**и**ложити, а любо испити шеломомь Дону!» О Бояне, **с**оловію стараго времени! Абы ты сі**а** плъкы ущекоталъ, скача, славію, по **м**ыслену древу, летая умомъ подъ обл**а**кы, свивая славы обаполы сего времени, **р**ища въ тропу Трояню чресъ поля на горы — пѣт**и** было пѣс[н]ь Игореви, того Олга внуку: «Не бур**я** соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону Великому».

С пава кнѧзю оумь похоти и жалость ѥмоу знамен
і ѥ застоупи искусити Доноу великаго. Хощоу бо р
ѥ че копіѥ приломити конець полѧ
п оловецкаго съ вами роусици хощоу главоу свою пр
и ложити, а любо испити шеломомъ Доноу. Ѡ Боꙗне
с оловію стараго времени. Абъı тъı сі
а плъкъı оущекоталъ скача славию по
м ысленоу древоу летаꙗ оумомъ подъ обл
а къı, свиваꙗ славъı обаполъı сего времени,
р ища въ тропоу Троканю[13] чрезъ полѧ на горъı, пѣт
и бъıло пѣснь Игореви того Олга вноукоу. Нѥ боур
ѧ Соколъı занесе чрезъ полѧ широкаꙗ, галици...

[13] Прочтение «Трояни» как «Тмуторокани» (город торков Трокань) дают Ю.В. Подлипчук, О.О. Сулейменов. (*Сулейменов О.О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1975. С. 118—122; *Подлипчук Ю.В.* «Слово о полку Игореве». Научный перевод и комментарий. М., 2004. С. 141. См. также: *Болтрик Ю.В.* Сухопутные коммуникации Скифии // Советская археология. 1990. № 4; *Гурченко Л.А.* Русские древности «Слова о полку Игореве». М., 2004. С. 26.).

Акростих «Сіе писа Мария» не равномерен по количеству букв в строке, но приходится его принять из-за значительного по величине осмысленного буквенного последования, исключающего случайность возникновения, впрочем, как и в других акростихах с именем Марии. Все они начинаются со слова «мысль»: *мыслену, мыслию, мысль*. Эта особенность также представляется авторским шифром: такое единообразие в приверженности к одному, причем очень важному духовному образу — понятию Мысли, вмещающему образ творчества, идеи, авторской работы, имени Марии,— не может случайно «выпасть» в умозрительной игре буквами[14].

И, наконец, акростих «Сие писа сестра Брячяслава ни другаго Всеволода», помещен, по Сумарукову, в угловое краегранесие в разделе об Изяславе Васильковиче, брате Марии:

Уже бо **С**ула не течетъ сребреными струям**и** къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ т**е**четъ онымъ, грознымъ, полочаномъ **п**одъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же **И**зяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими о**с**трыми мечи о шеломы литовския — притреп**а** славу дѣду своему Всеславу, а **с**амъ под чрълеными щиты на кровав**ѣ** травѣ притрепанъ литовскыми мечи, и**с**х[ы]ти ю на кров[ь]. А тьи рекъ: «Дружину **т**вою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣ**р**и кровь полизаша!»

Не бысь ту брат**а Брячяслава, ни другаго Всеволода**.

Единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелїе.

Унылы голоси, пониче веселїе. Трубы трубятъ Городеньскїи.

Оуже бо·
С оула не течеть·сребреными строуꙗм
И къ градꙋ Переꙗславлю·и Двина болотомъ т
Є четь онымъ гроѕнымъ· полочаномъ·
П одъ кликомъ поганыхъ·ІЄдинъ же
И ѕѧславъ сынъ Васильковъ·поѕвони своими о
С трыми мечи о шеломы литовскіꙗ ·притреп
А славоу·дѣдоу своѥмоу Всеславоу· а
С амъ подъ чрълеными щиты·на кръвав
Ѣ травѣ·притрепанъ литовскыми мечи· и
С хыти ю на кръв[ь]· А тьи рекъ·дроужиноу
Т вою кънѧже·птиць крилы приодѣ а ѕвѣ
Р И кръвь полиѕаша·Не бысь тоу брат
А Брѧчѧслава· ни **дроугаго — Всеволода!**

Сумаруков утверждает, что автор «Слова о полку Игореве» оставляет свой «знак» через родственных ему героев «Слова»: «"Не было *тут брата* Брячислава..."; если бы поэму писал посторонний этому персонажу человек, он написал бы: «Не было *тут князя* Брячислава...» но не *брата*. Очевидно, употребление этого слова указывает на родственные отношения писавшего поэму к Брячиславу и его братьям. Это обстоятельство также свидетельствует в пользу авторства Марии»[15].

На наш взгляд, в «Слове о полку Игореве» есть еще один авторский знак: в плаче Ярославны упоминание Святослава — мужа Марии — содержит благодарственный оттенок более личностно окрашенный, чем если бы о нем вспомнила только Ярославна, жена князя Игоря,— в трепетно-любовном глаголе «лелеять»:

О, Днепре Словутицю!
Ты пробил еси каменныя горы сквозь землю Половецкую.

---

[14] Л.А. Горский, подвергая сомнению гипотезу Сумарукова, словно бы показывая легкость умозрительного построения таких монограмм, выдвинул другую, основывающую другое «затаенное имя» — РОМАН. См.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст., подготовка текста, пер., коммент. и прил. Л.А. Горского. М., 2002. С. 38—41.

[15] Сумаруков Г.В. Затаенное имя. С. 21. (21).

Ты лелѣялъ еси на себе Святославли носады до плъку Кобякова.
Взлелѣй, господине, мою ладу къ мне,
А быхъ не слала къ нему слез на море рано...

К акростихам Сумарукова добавим выявленный нами акростих «Мариа» в заключительном разделе «Слова» в диалоге Гзы и Кончака о предполагаемой свадьбе сына Игоря и Кончаковны. В вертикальном, стиховом, расположении краегранесия это выглядит так:

Млъвитъ Гза къ Кончакови:
«**А**же соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами».
Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею...».
И рече Гзакъ къ Кончакови:
«**А**ще его опутаеве красною дѣвицею...».

Заглавные буквы текста выделялись киноварью и были видны в любом тексте с первого взгляда. Например, так:

Млъвитъ Гза къ Кончакови: «**А**же соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами». **Р**ече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею». **И** рече Гзакъ къ Кончакови: **А**ще его опутаеве красною дѣвицею...».

Заметим также, как мерцает имя Марии в заключительной строке «Слова»:

«Князе**М**ъ сл**А**в**а а** д**Р**уж**И**не! **А**минь.»

Песнь об Изяславе, в одиночку ставшем на защиту рубежей на западе Руси, может пролить дополнительный свет на образ Марии как автора «Слова». Однако в этом тексте есть несколько не вполне ясных мест и одно, признанное «классически» «темным». Так, не вполне ясны и постоянно вызывают вопросы переводчиков выражения «притрепа славу дѣду своему Всеславу» и «притрепанъ литовскими мечи» в стихе:

притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ под чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи...

Выражение «притрепан литовскыми мечами» — составляет метафору, содержащую образ поверженности, ран, гибели князя: Изяслав ранен, пал на кровавую траву, истекая кровью. Но как понимать выражение «притрепа славу» — что это? «Прибил», «пресек»? Или, наоборот, «продлил», «напомнил»? Какую «славу деда своего»? Обычно это понимают так, что Изяслав продолжил славу, деяния своего знаменитого предка. Однако к прочтению этого фрагмента необходимо подойти с иных позиций.

В «Слове» определены два вида, *оба полы*, две половины славы: добрая и дурная. Слава вбирает в себя *хвалу* и *хулу* («Уже снесеся хула на хвалу») — понятия с противоположным знаком, что необходимо принимать во внимание при прочте-

нии «Слова о полку Игореве». *Обаполы* — означает обе половины, обе стороны[16]. Есть до сих пор и фамилия — Обаполовы. Однако *обаполы* относится не к *времени*, как обычно переводят, а к *славе*[17]. Дурная, горькая слава была у зачинщиков междоусобиц Олега Гориславича, у Всеслава Полоцкого, цена которой — гибель Изяслава и других князей, погибших в междоусобицах. Такую славу *притрепал*, *исхыти(л)*, переменил Изяслав, из-за нее он пролил свою кровь, искупил ее кровью: «исхыти ю на кровь». «Истинная цена *славы* Всеслава, по мысли Автора, определилась гибелью Изяслава. Не героическое, а крамольное начало подчеркивает Автор, рассказывая далее о полоцком князе»[18].

О славе деда его Всеслава будет говориться в следующей песне: сей доблестный князь («о, стонати Рускои земли!») *клюками* — неправдами и ненадолго «дотчеся... злата стола Киевскаго, расшиб славу Ярославу», заповедавшему мир между князьями, разорил Новгород, ввязался в битву на Немиге, после которой берега ее были засеяны «костьми русскихъ сынов».

Так что *притрепал* Изяслав дурную славу Всеслава.

По Словарю В.И. Даля, «*Трепать* — теребить, тормошить, дергать, мять, пушить, слегка колотить, рвать. «Собаки зайца треплют»; «его лихорадка треплет»; Трепать лен, коноплю, обминать мялицей, трепалом; ребятишки треплются, подрались, дерутся. Встрепал себе волоса дыбом. Ребенка совсем затрепали. Его в драке оттрепали порядком. Лен... не протрепан, недотрепан; собаки задали волку трепку. Наше трепало, что ни попало, все мнет. Трепак — пляска с дробным топотом. Мелкий перебор и топотня ногами»[19].

В «Слове» есть еще два эпизода со словом того же корня: Святослав *притрепал* (не «притрепетал»), победил половцев:

Грозою бяшеть *притрепалъ*
своими сильными плъкы
и харалужными мечи...

Жены русские восплакались: «...а злата и сребра ни мало того *потрепати*». Здесь: *потрепати* — прикоснуться, поворошить, побренчать, издать легкий звук звона золота и серебра (украшений).

При*трепати* — прикоснуться активно, с попыткой изменить структуру того, к чему прикасаются, а то и вовсе лишить притрепываемое собственного структурного качества. Этот образ также содержит сонорный оттенок. Звук трепала более глухой, чем при звоне ковки, но в нем есть та же периодичность, тот же мерный ритм, может быть, беспощадный.

Слово *притрепал*, использовано в этой фразе об Изяславе еще и с какими-то оттенками смысла в связи со звоном оружия Олега Святославича (он «...мечем которы коваше»). Звон мечей и жест удара мечом, постоянно повторяющийся в битве, дает Автору возможность создать метафору ковки, такого же периодического движения руки сверху вниз со звуком звона меча о шеломы или молота о наковальню. В эпизоде с Изяславом проходит образ того же звона: «позвони своими острыми мечи о шеломы литовския», использован тот же принцип пост-

---

[16] *Подлипчук Ю.В.* «Слово о полку Игореве». Научный перевод и комментарий. М., 2004. С. 87.

[17] Сочетания с существительным «время» не встречаются (есть оба полы звезды, круга, креста, земли и т.д.). См.: *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XII веков. Л., 1968. С. 60.

[18] *Подлипчук Ю.В.* «Слово о полку Игореве». С. 240.

[19] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991. Т. 4. С. 428.

роения метафоры при характеристике того же жеста (постоянного движения руки сверху вниз). Теперь он передан глаголом «трепати», как треплют, например, лён, да и деревянная трепалка на беглый взгляд приближается к форме меча. В «трепании» лен разбивается, словно яростно «уничтожается», особенно если видеть, как долго и однообразно это движение: лен меняет свою структуру, из жесткого растения превращается в мягкую «разбитую» кудель.

Кроме того, в слове «притрепати» содержится еще и эротико-смеховой оттенок, замеченный Р. Манном в народной песне:

Федор господин Алексеевич
Коничком вернул, не стоптал,
Плеточкой махнул, не ударил,
Он, слезши с коня, *притрепал:*
«Спи, моя надежа, высыпайся».[20]

Понятие *притрепати* находится в сфере пограничной, смеховой темы угощения-заботы/битвы-драки: «сваты попоиша, а сами полегоша» («Слово о полку Игореве»); «забил снаряд я в пушку туго / и думал: угощу я друга!» (М. Ю. Лермонтов, «Бородино»); «притреплю я дубиной вязовою» (нар. песня)[21]; «угостить» тумаками, снарядом, «огреть», «приложиться» дубиной и т.д.

Изяслав, *притрепавший* славу деду своему Всеславу, сеявшему междоусобицы, долго и самоотверженно бьется, звеня мечом о шеломы, «трепля» и выбивая из прошлого дурную славу Всеслава и всей Полоцкой земли: ведь ее распри, ее «которы», по мнению Автора «Слова» приводили поганых на землю Русскую. Потому-то Изяслав *притрепал* славу Всеслава, разбил, прибил, пресек, изъял — переменил отношение Руси к Полоцкому княжеству, наконец, вставшему на защиту ее рубежей, хотя и терпящему жестокое, трагическое поражение. Самоотверженным воинским подвигом Изяслав попытался исправить нарушенный Всеславом код добра, изменить смысл, «строй» славы Всеслава и славы Полоцкой земли с дурной на добрую.

А второе *притрепан* — это скорбная нота, выход за семантический круг первого, мажорного «притрепати», трагический образ: выправление дурной славы, «жизни» Всеслава стоило Изяславу самой его жизни: его *притрепали* литовские мечи, он лег под червленые щиты на кровавой траве, искупил славу деда кровью.

В непонятной фразе «исхотиюнакроватьирекъ» многие видели «хоть» (жену) и «кровать», но несоединимость этих образов с контекстом битвы, о которой идет речь в этом фрагменте, заставляла исследователей искать новые варианты прочтения. О.О. Сулейменов трактует этот текст: *исходя юной кровью* (1975 г.). Особо отметим выдающуюся догадку переводчика Г. Шторма, прозревшего смысл фразы поверх испорченного текста: «и сложил *ю* (ее, славу) на кровь»[22]. М.В. Щепкина предположила здесь глагол *исхыти* (извергнуть, исторгнуть, излить, источить). В гимнографических текстах находим подобные смыслы похищения из вражеской руки меча: «**истиньною пращею въороужьсѧ·**

---

[20] *Манн Р.* Свадебные мотивы в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 38. С. 514—519; *Манн Р.* Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». «Притрепати» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 129—133.

[21] *Манн Р.* Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». «Притрепати». Л., 1986. С. 131.

[22] «Слово о полку Игореве». Пер. Г. Шторма // «Слово о полку Игореве». М., 1967. С. 202—216.

льстьноѥ низъложилъ ѥси иноплеменьноѥ шатаниѥ• и вражии въсхытивъ словъмь мечь **• тѣмь посѣклъ ѥси лъжа въстаниѥ**…»[23]; «…**вражии *исхытивъ мечь***»[24].

М.В. Щепкина указала на связь этого места с заключительным фрагментом «а тьи рекъ». Чтобы прояснить смысл «темного» места, по ее словам, нужно понять, кто обращался к князю, или говорил о нем, пророчествуя или вспоминая о гибели его войска: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ...» или сам он говорит это, погибая.

Образ хищных зверей и птиц над телом павших воинов является очень древним и распространенным. Его мы видим в «Алексиаде» Анны Комниной: «Если вы не согласитесь на мир с императором, *ваши тела расклюют хищные птицы*»[25]. Речь идет о гибели воинов, «приодетых крыльями птиц» и окруженных зверьми («звѣри кровь полизаша»). Видимо, это те самые беды-птицы и звери, которые сопровождали игорево войско в начале похода в ожидании этой добычи; те вороны, что слетались «на уедие» во времена походов Олега Гориславича. Сравним:

Уже бо бѣды его пасутъ птиць подобию,
влъци грозу въсрожатъ по яругамъ,
орли клектомъ *на кости звѣри зовутъ*,
Лисици брешутъ на чрьленыя щиты.

Тогда по Рускои земли
рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто *врани граяхуть*,
трупиа себѣ дѣляче,
а *галици* свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие.

В каноне Борису и Глебу по рукописям XII в. находим один из этих образов:

Недовъльни бывъше•
оканьнии тъи оубиица•
о оубиѥнии ти повьргоша нечьстивии•
звѣрьмъ на расхыщениѥ…[26]

В этом же ракурсе (как прямой отклик на «Слово о полку Игореве») может быть рассмотрено стихотворение М.Ю. Лермонтова «Песнь барда»:

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем, что больше было там
Число убитых, чем живых... [27]

[23] Декабрьская минея ГИМ. Син. 162. Л. 103 = Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Teil 5: Facsimile. Herausgegeben von Hans Rothe. West-deutscher Verlag, 2000. P. 207.

[24] Декабрьская минея ГИМ. Син. 162. Л. 104. = Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember. Teil 5: Facsimile. Herausgegeben von Hans Rothe. West-deutscher Verlag, 2000. P. 209.

[25] *Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 1996. С. 224.

[26] РНБ. Соф., 384, л. 105.

[27] *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1969. Т.1. С. 123.

Здесь вспоминаются картины В.В. Верещагина «Забытый» и «Людоед», посвященные той же теме, песня М.П. Мусоргского «Забытый» на стихи А.А. Голенищева-Кутузова, содержащие тот же образ:

Он смерть нашел в краю чужом,
В краю чужом, в бою с врагом,
Но враг друзьями побежден,
Друзья ликуют, только он
На поле битвы позабыт, *один* лежит.

И между тем, как жадный *вран*
Пьет кровь его из свежих ран
И точит незакрытый глаз,
Грозивший смертью в смертный час,
И, насладившись, пьян и сыт, долой летит...[28]

Здесь мы видим созвучие со «Словом» в образах зверей и птиц, в образах «кровавой травы», одиночества воина перед лицом смерти. Так образ птиц и зверей, окруживших погибших воинов, идущий от древности к «Слову о полку Игореве», входит в образную систему Нового времени. И в «Слове о полку Игореве» эпизод об Изяславе выливается в плач, в причитание о нем, обрамленный восклицанием «Един же!..», создающим образ одиночества в бою и в гибели: «...*единъ же Изя*славъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовския... *единъ же из*рони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие».

Если трактовать образ славы Всеслава как дурной славы, славы сеятеля розни между князьями, выстраивается и понимание выражений «притрепал славу» и «притрепан литовскими мечи». Изяслав лег под червленые щиты своих воинов, на кровавой траве, истекая кровью, сменив *ее*, славу Всеслава («*ю*»), на свою кровь («на кров(ь)»). *Он искупил ее кровью.* И вот уже птицы летят «на уедие», и звери сбегаются полизать его раны.

Автор «Слова» делает отсылку «А тьи рекъ». Этот кто-то был, быть может, Боян, или кто угодно другой: о таком поведении птиц и зверей знают все (тот, о ком шла речь — Боян с его припевками, *кто-то иной сказал; как говорится*). Такие отсылки и такие «припевки» Бояна не раз звучат в «Слове». Эти припевки древнее Бояна, они фольклорны, формульны, афористичны.

Исследователи не находят имени Изяслава в летописи, и на этом основании возникло предположение, что в «Слове» — здесь некая ошибка[29] поскольку с его братом (по «Слову») Брячиславом упомянут Всеслав[30]. Князь Брячислав Василькович упоминается в Ипатьевской летописи под 1180 годом как союзник Святослава, пришедший к нему на помощь вместе с полоцкими князьями: «И придоша Полотьскии князи въ стретение, помагающе Святославу, Василковича Брячьславъ из Витебьска, брат его Всеслав с Полочаны...»[31].

Э.Т. Саронне предположил, что Изяслав, персонаж «Слова о полку Игореве», и Всеслав из летописи — это одно лицо, названное в «Слове» Изяславом согласно народной этимологии, поскольку он «изъял» славу Всеслава. (Сарон-

---

[28] *Мусоргский М.П.* Романсы и песни. М., 1963. С. 171—172.

[29] *Творогов О.В.* Изяслав Василькович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т.2. с. 275—277.

[30] *Комлев А.П., Белокуров К.К.* «Слово о полку Игореве». Заметки об исторических временах и лирических пространствах // «Слово о полку Игореве». Свердловск, 1985. С. 207—210.

[31] Полное собрание русских летописей, т. II, изд. 2. СПб., 1908, стб. 620.

не при этом считает, что Изяслав погиб бесславно, «изъяв» славу могущественного предка, но гибель его славна тем, что он изъял дурную славу Всеслава). Э.Т. Саронне прослеживает по летописи сведения о Всеславе, называемом братом Брячислава и Всеволода (Володша?). «Всеслав Василькович был старшим из трех братьев. Мы знаем, что он происходил из Витебска и что в 1161 г. стал князем Полоцким... В 1166 г. Всеслав был временно изгнан из Полоцка Володарем Минским, несколько лет воевавшим против Полоцка. Всеслав вскоре бежал в свой родной город к Давиду Ростиславичу, и последний вскоре вернул ему полоцкий престол. В 1175 г. Всеслав стал князем в своем городе (т.е. Витебске)... оставался князем Полоцким и Витебским до 1180 г., в котором, возможно, и умер, и его сменил его брат Брячислав. ...Быть может... защищал Витебск от нападения превосходивших его по силам литовцев и нашел там свою смерть (в 1180 г.?) Всеслав/Изяслав Василькович? Братья не могли оказать ему поддержку, поскольку в это время они, совместно с Ольговичами, готовились к уже упомянутому нападению на Друцк»[32]. Однако, погибнув в неравном бою, в одиночестве отдавая свою жемчужную душу за други своя, за святое дело — защищая Русь от язычников, он прославлен в «Слове о полку Игореве», он славен в сознании современников.

Историческое обоснование догадки Саронне о том, что имя того, кто «изъял» славу деда своего Всеслава, также было Всеслав, очень интересно. Значимость символики имен князей в Древней Руси общеизвестна. Такая игра имен — вполне в духе времени «Слова о полку Игореве», поскольку Изяслав нанес удар, притрепал, изъял славу Всеслава. Гипотеза Комлева и Белокурова (1985 г.) и Саронне (2003 г.) может быть учтена как весьма уместная в данном контексте. Повидимому, Всеслав, сын Васильков, «изъявший» славу деда своего Всеслава, назван автором «Слова» Изяславом.

Арочно-кольцевая архитектоника стиха формируется повтором: «*Единъ* же Изяславъ... *Единъ* же изрони...», создающим плачевый образ. При этом в первом и втором «проведении» слова *един*... есть различие: в первом случае это одиночество в бою (со своей дружиной, но без дружин братьев), во втором — одиночество умирать, роняя жемчюжную душу из храброго тела. Метафорическое переименование может свидетельствовать в пользу авторства Марии, воспевшей в этом стихе подвиг своего брата Всеслава, названного ею Изяславом на правах не только автора «Слова», но любящей сестры, запечатлевшей его память в прекрасной элегической песне. Допустим, отстраняясь от гипнотизма такой трактовки этого фрагмента и авторства Марии, сестры Всеслава/Изяслава, что автор этих строк не Мария, и подлинное имя князя нам не известно. Но тогда откуда та особая нежность и сочувствие, глубокая печаль и сама красота образа Изяслава, погибающего за честь Полоцкой земли, роняющего в последнем своем дыхании жемчужную душу из золотого ожерелья княжеского оплечья. Этот стих звучит как совершенное, законченное песнопение, плач о погибшем герое, исполненный родственной печали и ярчайшей экспрессии чеканной по форме эпитафии. Сама красота этого стиха говорит о том, что это плач сестры, увековечивший прекрасный образ брата. Этот стих — продолжение плача русских жен, в котором также скрыто затаенное имя Марии, и в этом еще один затаенный шифр княгини Святослава, сестры Изяслава.

[32] *Саронне Э.Т.* Кто такой Изяслав Василькович «Слова о полку Игореве» // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 75—89.

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслїю смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати...

Исходя из сказанного, снова прочтем этот стих:

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи о шеломы литовскія —
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ под чрълеными щиты на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи,
исх[ы]ти ю на кров[ь].
А тьи рекъ:
Дружину твою, княже,
птиць крилы прїодѣ,
а звѣри кровь полизаша!»
Не бысь ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода.
Единъ же изрони
жемчюжну душу изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелїе.

Хочется думать, что после проведенного комментария предлагаемый нами перевод-толкование будет лишь кратким выражением сказанного:

Один лишь Всеслав, воистину Изяслав, сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские —
изъял (притрепал)(дурную) славу деду своему Всеславу,
а сам под червлеными щитами на кровавой траве
притрепан (иссечен) литовскими мечами,
искупил ее (дурную славу Всеслава) кровью.
Как говорится:
«Дружину твою, княже,
птиц крылья приодели,
а звери кровь полизали».
Не было тут брата Брячяслава, ни другаго Всеволода.
Один ведь, изронил (испустил)
жемчужную душу из храброго тела
чрез злато ожерелие...

В переводе, однако, никакими другими словами не выразить этой иронической и скорбной игры смыслов, выраженной двойным употреблением глагола *притрепати*.

В одном из гимнографических произведений Древней Руси, близких по времени создания «Слову», находим еще один знак авторского зашифровывания имени через указание на родственные связи. Так, в каноне св. Евфросинии Полоцкой[33] автор зашифровывает свое имя, на что имеется указание в за-

[33] *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб., 1994; *она же.* Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой — памятник XII века // К 1125-летию Полоцка. Конфер. «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 52—53; Советская культура. 1988. 12 апр. С.2; Из истории русской гимнографии домонгольского периода //

головке[34]: «...творение кир, имея разум да разумеет»[35]. *Киръ* (куръ, кюръ) — из греч. *κύριοσ — господин*; в древнерусском языке означает «титул особ византийского императорского дома, а также русских князей»[36], значит автор имел отношение к высшим структурам власти, связанным с кругом властных иерархий Византии. Однако имя автора до сих пор не удалось раскрыть: составители описания рукописей Горский и Невоструев признают, что «по началу тропарей нельзя открыть, кто сей кир, составивший канон»[37].

По начальным буквам тропарей пока не удается прочесть какого-либо слова или имени. Разгадку его находим в тексте Икоса, входящего в Канон, где Автор говорит о себе в первом лице: «**Яже же ныне в пѣснехъ *хвалю* боголюбицу Евфросинию**». И это женщина — *мужелюбивая жена*, сотворяющая *своему мужу* две одежды:

Премудрость Соломон приимъ от Бога
Хвалитъ в притчах *мужелюбиву жену*,
Яко *своему мужеви* двое ризы сотворяющу,
яже ныне в пѣснехъ *хвалю* боголюбицу Евфросинию,
В нощь и в день подъимающу подобнии длани к Богу,
Да огня избавит негасимаго,
Зубнаго же скрежета,
И всея муки вѣрующих,
Насъ ради дати себе жертву отцу благоприятну.[38]

В этом тексте мы видим авторский шифр, который предлагается разгадать в заголовке канона: «творение кир, имея разум да разумеет» («...имеющий разум, да разумеет»). И отгадка по тексту икоса должна состоять в том, что автор канона Евфросини Полоцкой — некая особа княжеского рода, чья-то *мужелюбивая жена*, сотворяющая *своему мужу* две ризы и молящаяся за всех вместе с Евфросинией.

Как видим, «шифрование» своего имени через указание родства характерно и для Канона св. Евфросинии Полоцкой. Всмотримся более внимательно в образ мужелюбивой жены, которая шьет мужу две одежды.

Автор Канона, называя себя мужелюбивой женой, сотворяет песнопения в похвалу Евфросинии, которая «и в ночь и в день» подъемлет свои длани к Богу, молясь обо всех христианах Русской земли. *Мужелюбивая жена*, говорящая о себе в первом лице, сотворяет для *своего мужа двое ризы*. Это цитата из Притчей Соломона, посвященных похвале добродетельной жене: «добродетельная

Музыкальная культура Средневековья: Теория. Практика. Традиция. Сб. науч. тр. Л., 1988.(Сер. «Проблемы музыкознания». Вып. 1). С. 62—77; Музыкальные образы «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. М., 1989. С. 80—91; Песнопения Евфросинии Полоцкой по спискам XII—XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1991. М., 1997. С. 91—101.

[34] *Серегина Н.С.* К вопросу авторства песнопений об Евфросинии Полоцкой // Мир гуманитарной культуры академика Д.С. Лихачева. Международные лихачевские чтения 24—25 мая 2001 года. СПб., 2001. С. 125—127; *она же.* «Аз же ныне в пѣснехъ хвалю...». К вопросу об авторстве песнопений об Евфросинии Полоцкой и Слова о Полку Игореве // Музыкальная академия. 2002. № 1. С. 95—100; *она же.* «Уединенный памятник» (А.С. Пушкин и «Слово о полку Игореве» в свете новых данных о византийских источниках «Слова») // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб., 2003. С. 58—110.

[35] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1896. Т. 2. С. 185, № 485; Российская государственная библиотека (РГБ), ф. 304, № 565, л. 358 об.

[36] Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 133.

[37] *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описания славянских рукописей... С. 185.

[38] РГБ, ф. 304, № 565, л. 359—360.

жена... не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ее одета в двойные одежды» (*Притч. 31:21*).

В «Алексиаде» Анны Комниной находим тему, созвучную «шифру» автора из канона Евфросинии Полоцкой. Это тема жены, императрицы, помогающей самодержцу. В «Алексиаде» этот образ проводится дважды, когда речь идет об императрице Ирине, матери Анны Комниной: «Как та, воспетая в притчах Соломона женщина, она обладала мужественным и твердым характером и не проявляла женского малодушия, какое мы наблюдаем у большинства женщин, услышавших какое-либо страшное известие... Но императрица, если и испытывала страх, то только страх за самодержца, как бы с ним чего не случилось, и уже во вторую очередь за себя»[39]. «Она была вооружена не копьем Афины и не шлемом Аида, чтобы искусно отражать несчастья и превратности жизни (а императрица знала, сколь много их обрушивается на императоров), ее щитом, панцирем и мечом были, следуя Соломону, деятельный характер, непримиримость к страстям и искренняя вера. Так была вооружена моя мать для войн подобного рода; в остальном, в полном соответствии со своим именем[40], она была настроена весьма миролюбиво»[41]. Автор песнопений святой Евфросинии также вооружается верой и молитвой, защищает своего мужа от превратностей власти.

Но какие же ризы сотворяет та, что равняет себя с добродетельной и мужелюбивой женой, которая «уста свои открывает с мудростью» (*Притч. 31:26*)? Она сотворяет песнопения, словно ткёт своему мужу одежды: ведь плетение словес — как плетение ткани, покрова, защищающего от невзгод. Сравнение поэтического творчества с ткачеством, прядением в христианской гимнографии хорошо известно. Но вспомним и русские сказки: сотканная небесными силами рубаха делает надевшего ее неуязвимым для врагов, побеждающим колдовские силы[42]. Так, в сказке «Чудесная рубашка» даритель говорит Ивану-купеческому сыну: «Возьми,— эту рубашку пуля не берет, коли наденешь ее — никто тебя не осилит!»[43]. Так и «мужелюбивая жена» Мария, воздающая хвалу святой Евфросинии, творит (плетет, ткёт) молитву о своем муже-князе и всех его чадах — христианах. Но, заметим, та же — защитная, охранительная, спасительная функция у «Слова о полку Игореве» — оно призывает князей к миру, объединению вокруг князя Святослава, оно восхваляет Святослава, оно благодарит воды Днепра, лелеявшие его «носады», сохранившие ему жизнь. Две рубашки — две ризы, которые шьет своему мужу Мария — два великих поэтических творения во славу Святославу и хвалу святой Евфросинии.*

---

[39] *Анна Комнина.* Алексиада. 1996. С. 401.

[40] Ирина — из греч. *мир*.

[41] *Анна Комнина.* Алексиада. 1996. С. 326.

[42] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева.: В 3 т. М., 1985. № 104, 108, 110, 208, 209, 264, 295, 542.

[43] Народные русские сказки. Из сборника А.Н. Афанасьева. М., 1978. С. 158.

* В качестве подтверждения гипотезы Н.С. Серегиной о том, что Мария Васильковна могла быть автором песнопений о Евфросинии Полоцкой, приведем еще одно соображение. Возможно, ключом к расшифровке имени автора во фразе «...творение кир, имея разум да разумеет», является игра значений слов *кир* и *Мария*. Этимология имени *Мария* неясна, возможно, происходит от древнееврейского корня MRN — *быть тучным*, что в переносном смысле означает — *сильная, высокая, превознесенная*. В христианской традиции *Мария* — имя Богородицы, которая во многих европейских языках называется — *госпожа* (итал.: *Madonna* (от mia donna); франц.: *Notre Dam*; англ.: *Our Lady*; исп.: *Nuestra Señora*). Это семантически совпадает со значением слова *кир* — *господин*. Православная традиция также толкует имя *Мария* как *госпожа*. Таким образом, получаем: *кир* = госпо(дин)(жа) = *Мария* = Автор песнопений о Евфросинии Полоцкой.— *Примеч. ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

Наследие Полоцкой земли

Выпуск 6

**ПОЛОЦКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ВАСИЛЬКОВНА —
АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Исследования тайнописи

Редактор А.И. Судник

Подписано в печать 12.05.2008 г. Формат 70x100/16. Бумага «Титан плюс». Гарнитура «Балтика С»
Печать офсетная. Усл.печ.л. 3,56. Уч.-изд.л. 4,52. Тираж 2000 экз. Заказ № 581.

Издатель ИП Судник Александр Иванович. ЛИ №02330/0056962 от 01.04.2004. 211413, г. Полоцк, ул. М. Богдановича, 4/5. Тел./факс: 8(0214) 41-76-25. E-mail: alex_sudnik@mail.ru

Отпечатано в ООО «Юстмаж». ЛП 02330/0148792 от 30.04.2004 г. 220103, г. Минск, ул. Кнорина, 50.